

НОВЫЙ РОМАН ОТ АВТОРА ЗНАМЕНИТОГО «ШОКОЛАДА»

Джонни Харрис

МАЛЬЧИК
С ГОЛУБЫМИ
ГЛАЗАМИ

Джоанн Харрис

Мальчик с голубыми глазами

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=655585

Харрис Дж. Мальчик с голубыми глазами: Эксмо, Domino; Москва, СПб; 2011

ISBN 978-5-699-49553-5

Оригинал: JoanneHarris, "Blueeyedboy"

Перевод:

Ирина А. Тогоева

Аннотация

В Интернете появился новый блоггер под ником blueeyedboy. На страницах своего журнала он помещает жутковатые истории, подробно описывая то, как он планирует убийства разных людей, и всячески отрицая, что он действительно совершает что-то подобное. Ну разве что он желал смерти брату, который погиб в автокатастрофе, но ведь желать не значит убивать, правда? Его почитатели восторженно комментируют эти истории, но постепенно кое-кто начинает подозревать, что все это не пустая болтовня...

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	7
3	10
4	13
5	18
6	23
7	26
8	34
9	38
10	42
11	45
Часть вторая	48
1	48
2	54
3	57
4	62
5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джоанн Харрис

Мальчик с голубыми глазами

Кевину, у которого тоже голубые глаза.

*И я хочу спросить, как вам нравится ваш голубоглазый мальчик,
госпожа Смерть.
Э. Э. Каммингс*

Часть первая

Синяя

*Жила-была одна вдова, и было у нее три сына, и звали их Черный,
Коричневый и Синий. Черный, старший, был угрюмым и агрессивным.
Коричневый, средний, – застенчивым и глупым. А Синий, любимец
матери, был убийцей.*

1

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY¹

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Время: 02.56, понедельник, 28 января

Статус: публичный

Настроение: ностальгическое

Музыка: Captain Beefheart, Ice Cream for Crow

Цвет убийства – синий, так он думает. Синий, как лед, синий, как табачный дым, синий, как тело давно умершего человека в морозильной камере, синий, как мешок для перевозки трупов. Но это еще и его цвет, во многом для него характерный; этот цвет у него в крови; он распространяется по его телу вместе с кровотоком, вспыхивает голубыми электрическими искрами и вопиет о грязном убийстве.

Синий цвет он видит и чувствует везде и всюду – на голубом экране компьютера, в синеватых венах на ее руках, в данный момент поднятых и переплетенных, как следы пескожилы на пляже в Блэкпуле, куда каждый год в день его рождения они ходят все вчетвером; там ему покупают вафельный рожок с мороженым и позволяют шлепать по мелководью; он выискивает маленьких крабов, которые прячутся под выброшенными на берег водорослями и тщетно пытаются от него удрать, а он ловит их и бросает в ведро. Там на жаре они потом и умирают, поскольку солнце в день его рождения всегда светит особенно ярко.

Пока ему всего четыре года, и есть нечто совершенно невинное в том, как он осуществляет эти маленькие убийства, уничтожая ни в чем не повинных существ. В его действиях нет ни капли злонамеренности – одно лишь острое любопытство, вызванное судорожными попытками несчастных тварей спастись. Сначала он с интересом смотрит, как упрямо они бегают по кругу на дне его синего пластмассового ведерка, а спустя несколько часов, когда они все же сдаются и падают на спину, вывернув наружу клешни и показывая беззащитное

¹ Голубоглазого мальчика (англ.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

подбрюшье, он уже занят исключительно мороженым (кофейным – весьма необычный и изысканный выбор для такого малыша, но ванильное ему никогда не нравилось). Под конец дня, вновь обнаружив добычу в своем ведерке – из которого все полагается вытряхнуть, прежде чем идти домой, – он как-то невнятно поражен, найдя пленников мертвыми, и все думает: неужели эти шутовины вообще были живыми?

Мать замечает, что он сидит на песке с широко раскрытыми от удивления глазами и тычет пальчиком в мертвого краба. Но ее заботит не то, что ее сын – убийца, а то, что он чересчур восприимчив, что его многое огорчает и расстраивает; она не понимает, почему это таким образом на него воздействует.

– Не надо играть с этим, – говорит ему мать. – Гадость какая! Пойдем отсюда.

– Почему гадость? – спрашивает он.

Хороший вопрос. Эти твари в ведерке простояли здесь весь день, и никто их не трогал. Немного поразмыслив, он приходит к выводу:

– Они умерли. Я собрал их в ведерко, и теперь они умерли.

Мать берет его на руки. Именно этого она больше всего и боится: взрыва эмоций, возможно, рыданий и слез или чего-нибудь такого, что заставит матерей других детишек перелглядываться и пересмеиваться.

– Ты не виноват, – утешает она. – Это вышло случайно. Ты не виноват.

«Вышло случайно», – эхом проносится в его голове, но он уже понимает, что это неправда. Ложь. И вовсе не случайно. Это он во всем виноват! И то, что мать отрицает его вину, смущает его гораздо больше, чем ее пронзительный голос и то, как лихорадочно она сжимает его в объятиях, пачкая ему футболку своим маслом для загара. Он вырывается – он ненавидит любой беспорядок, любую грязь, – и теперь мать смотрит на него уже с раздражением, пытаясь понять, не собирается ли он и впрямь разреветься.

А он решает, стоит ли зареветь. Может, она как раз этого и ждет? С другой стороны, он чувствует, что мать встревожена, что изо всех сил старается защитить его от боли. И этот запах маминого горя чем-то напоминает ему кокосовый аромат ее масла для загара, смешанный с запахами тропических фруктов. И вдруг его словно током ударяет: они мертвые! Мертвые! И он действительно начинает плакать.

Мать ногой закапывает в песок остальную его улов: улитку, креветку, маленькую камбалу, совершенно плоскую, с крошечным ротиком-полумесяцем, концы которого трагически опущены вниз.

– Ну вот и отлично! – повторяет она, старательно улыбаясь. – Ничего больше нет.

Она пытается превратить случившееся в игру, но при этом крепко прижимает к себе своего голубоглазого мальчика, чтобы никакое, даже самое малейшее чувство вины не затмило его ясного взора. «Он же такой чувствительный! – беспокоится она. – И воображение у него на удивление развито». Его братья совсем другие – с их вечно исцарапанными коленками, непричесанными волосами и драками перед сном. Им не нужна ее защита, им и друг друга достаточно. И приятели у них есть. Те сыновья любят ванильное мороженое, а когда играют в ковбоев (выставив два пальца так, будто стреляют из револьвера), надевают белые шляпы и ловят «плохих парней».

Ее голубоглазый малыш совсем другой. Любознательный. Впечатлительный. Порой она говорит ему: «Ты чересчур много думаешь», и сразу видно: эта женщина любит слишком сильно и никогда не признает, что объект ее обожания обладает хоть каким-то реальным недостатком. Да, он уже вполне понимает, что мать души в нем не чает и стремится защитить от всего на свете, от самой крошечной тени, промелькнувшей на голубом небосклоне его жизни, от любой возможной травмы и даже от тех травм, которые он наносит другим.

Ведь материнская любовь все принимает без критики, слепо, материнская любовь склонна к самоотречению и самопожертвованию, способна простить все – внезапные

вспышки гнева, слезы, равнодушие, неблагодарность или жестокость. Материнская любовь – это черная дыра, которая вбирает в себя любую критику, любое обвинение, такая любовь способна оправдать кощунство, кражу и ложь, способна даже самый гнусный поступок сына превратить в нечто незначительное, доказать, что ее мальчик не виноват...

Ну вот и отлично! Ничего больше нет.

И не было никакого убийства.

КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Captainbunnykiller: Блеск, чувак! Ты жжешь!

ClairDeLune: Просто замечательно, Голубоглазый. По-моему, тебе следует больше раскрыться, подробнее описать свои взаимоотношения с матерью и то, как они впоследствии на тебя повлияли. Я, например, не верю, что человек рождается плохим. Просто порой мы делаем неправильный выбор, вот и все. С нетерпением жду следующей главы!

JennyTricks: (сообщение удалено).

JennyTricks: (сообщение удалено).

JennyTricks: (сообщение удалено).

blueeyedboy: Ого! Ну спасибо вам!..

2

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 17.39, понедельник, 28 января

Статус: ограниченный

Настроение: сама добродетель

Музыка: Dire Straits, Brothers in Arms

Мой брат погиб всего минуту назад, но печальная новость уже достигла моего веб-журнала. Это к вопросу о том, как мало времени нужно на распространение всевозможных сплетен и слухов: шесть или семь секунд – снять случившееся на мобильный телефон, секунд сорок пять, чтобы загрузить ролик на YouTube, десять – послать ссылку всем френдам и написать им в Твиттере: «13.06. OMG!² Только что видел ужасную автомобильную аварию!» – и в мой журнал и на электронную почту градом посыплются сообщения в духе «ах-боже-мой».

Соболезнования вполне можете опустить. Мы с Найджелом ненавидели друг друга практически с рождения, и ни один из его поступков, включая даже гибель, нисколько не улучшил моего к нему отношения. Однако он действительно был моим братом, а потому проявите чуточку деликатности. Да и мама наверняка очень огорчена, хоть Найджел и не являлся ее любимчиком. Все-таки раньше у нее было три сына, а теперь – только один. То есть я. Искренне ваш, Голубоглазый, который вскоре и вовсе останется в полном одиночестве...

Полиция не спешила, как обычно. Сорок минут от двери к двери. Мама была внизу, готовила ланч: бараньи ребрышки с картофельным пюре и сладкий пирог на десерт. Несколько месяцев я почти не прикасался к еде, а тут вдруг почувствовал зверский аппетит. Судя по всему, настоящий голод у меня может вызвать только смерть близкого родственника.

Из своей комнаты я видел и слышал все: полицейская машина, звонок в дверь, голоса, пронзительный вскрик, какой-то грохот в холле – наверное, отлетел и ударился о стену столик для телефона, когда мать, хватаясь за воздух вытянутыми руками, упала и ее с двух сторон подхватили два офицера. Затем по всему дому распространился запах горящего жира – видимо, горели бараньи ребрышки, которые она так и оставила на гриле, когда пошла открывать...

Я воспринял это как сигнал: пора уносить ноги. Или на крайний случай прибегнуть к спасительной музыке. Я надеялся, что смогу оставить в ухе хотя бы один наушник айпода. Мама так привыкла, что в ушах у меня вечно торчат эти крошечные штуки, что, скорее всего, даже ничего не заметила бы. Но полицейские – совсем другое дело, а в тот момент мне меньше всего хотелось обвинений в бесчувственности.

– О, Би-Би, как это ужасно...

Моя мать всегда немножко играет; то была роль королевы из какой-то трагедии. Черты лица искажены, глаза широко распахнуты, разинутый рот перекошен – она более всего напоминала маску Медузы. Вытянув ко мне руки, словно надеясь утащить меня вниз, она вцепилась мне в спину пальцами, точно когтями, и стала завывать мне прямо в правое ухо, теперь совершенно незащитное, поскольку наушник я вынул, пятная слезами, подкрашенными синей тушью, чистый воротник моей рубашки. Я уже говорил, что ненавижу всяческий беспорядок, а потому попытался отстраниться со словами:

– Ма, пожалуйста!..

² Вариант написания «Oh, My God!» (англ.) – Ах боже мой!

Женщина-полицейский (если полицейских двое или больше, то среди них всегда есть как минимум одна женщина) приняла огонь на себя и стала ее успокаивать. Мужчина-полицейский, человек пожилой, устало посмотрел на меня и терпеливо произнес:

– Мистер Уинтер, имело место ДТП. Несчастный случай.

– Найджел? – догадался я.

– Боюсь, что да.

Мысленно я сосчитал до десяти, повторяя гитарную интродукцию Марка Нопфлера к песне «Brothers in Arms». Я сознавал, что за мной внимательно наблюдают, и не мог позволить себе ни одного неверного шага. А музыка помогает воспринимать действительность как-то легче, снимает нежелательные всплески эмоций; мне она, во всяком случае, позволяет вести себя если не совсем нормально, то, по крайней мере, в соответствии с ожиданиями окружающих.

– Почему-то я так и подумал, – ответил я после долгого молчания. – У меня было некое странное чувство...

Полицейский кивнул, словно понимая, что я имею в виду. Мать продолжала в своем обычном духе – то вещала театрално-высокопарным тоном, то выкрикивала проклятия. А у меня крутилась одна мысль: «Ма, ты явно перегибаешь палку». Они ведь с Найджелом не были близки. Тот вообще напоминал бомбу с часовым механизмом: рано или поздно что-то подобное должно было случиться. В наши дни автомобильные аварии – дело, что называется, самое обычное, такая трагическая неизбежность. Полоска льда на проезжей части, уличная пробка – почти идеальное преступление, о подозрениях не может быть и речи. У меня даже был порыв заплакать, но я решил воздержаться. Вместо этого просто сел, хотя и весьма неуверенно, и уронил голову на руки. Голова и впрямь болела. Головные боли преследуют меня всю жизнь, с особой жестокостью проявляясь в стрессовых ситуациях. Ничего, Голубоглазый, считай, что это просто художественный вымысел, запись в твоём веб-журнале.

И снова в поисках утешения я стал перебирать в памяти подборку своих любимых музыкальных произведений; вот у Нопфлера вступили ударные, мягко создавая фон гитарному рифу, они звучат почти лениво, без всякого нажима и словно без малейших усилий. Хотя, конечно, усилия там необходимы. Нет ничего более точного, чем ритм барабанов. У Нопфлера удивительные пальцы – длинные, на концах будто расплюснутые, они словно созданы для игры на гитаре, прямо-таки предназначены для гитарного грифа, для этих струн. Может, он и не выбрал бы гитару, если б родился с другими руками? Или все же попробовал бы освоить ее, даже понимая, что так навсегда и останется второсортным исполнителем?

– Найджел был в машине один?

– Что, мэм? – уточнил пожилой полицейский, тут же повернувшись к моей матери.

– Разве там не было... девушки? С ним... вместе? – осведомилась она с тем особым презрением, какое неизменно выказывала, говоря о подругах Найджела.

Полицейский покачал головой.

– Нет, мэм.

– Мой сын никогда не проявлял беспечности за рулем, – заявила она, еще сильнее впившись пальцами мне в плечо. – Он отлично водил машину.

Что ж, это всего лишь доказывает, как плохо она его изучила. Найджел привносил в вождение автомобилем ту же сдержанность и коварство, что и в отношения с людьми. Уж мне ли этого не знать, у меня на руках до сих пор остались свидетельства. Впрочем, теперь он мертв, а значит, превратился для моей матери в образец добродетели. По-моему, это не очень-то справедливо, не правда ли? После всего, что я сделал для нее.

– Я приготовлю тебе чай, мама.

Все, что угодно, лишь бы убраться отсюда. Я направился в кухню, но полицейский преградил мне путь.

– Боюсь, вам необходимо поехать с нами в участок, сэр.

Во рту у меня мгновенно пересохло, и я тупо переспросил:

– В участок?

– Чистая формальность, сэр.

На секунду я вообразил, что меня арестовали и я выхожу из дома в наручниках. Мама в слезах, соседи в шоке, а я почему-то в оранжевом спортивном костюме (вот уж совсем не мой цвет!). Потом я увидел, как сижу взаперти в комнате без окон, и стал думать о побеге: сбить с ног полицейского, угнать его машину и пересечь границу, пока еще не успели разослать мою фотографию и перечень особых примет. А ведь на самом деле...

– Какого рода формальность?

– Вы должны опознать тело, сэр.

– Ах, вон оно что...

– Простите, сэр.

Мать заставила меня это сделать. А сама ждала снаружи, пока я опознавал то, что осталось от Найджела, и тщетно пытался перевести происходящее в область фантазий, представить себе, что вокруг съемочная площадка. Но мои уловки не помогли, и я все же грохнулся в обморок. Домой меня отвезли на «скорой помощи». Тем не менее оно того стоило! Увидеть его мертвым! Навсегда избавиться от этого подонка...

Моя история – чистый вымысел, вы же понимаете. Я никогда никого не убивал. Обычно говорят: напишите все, что знаете, словно человек вообще способен написать все, что знает, словно знание и есть самое главное. А ведь самое главное – это желание. Но желать смерти брату – отнюдь не то же, что совершить преступление. И я не виноват, что весь мир читает мой веб-журнал. Итак, жизнь продолжается, во всяком случае, для большинства из нас, почти так же, как прежде; и Голубоглазый спит сном праведника, хотя и не совсем безгрешного.

3

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 18.04, понедельник, 28 января

Статус: ограниченный

Настроение: депрессуха

Музыка: Del Amitri, Nothing Ever Happens+

Прошло всего два дня, а мы уже снова вернулись к нормальной жизни. К своим уютным ритуалам, к повседневной рутине. Мать опять вытирает пыль со своих фарфоровых собачек. Ну а я, понятное дело, сижу в Интернете, размещаю в веб-журнале посты, слушаю любимые мелодии, упиваюсь своими убийствами.

Интернет. Интересное словечко. Словно что-то, извлеченное из бездны. Сеть для того, что уже похоронили или собираются хоронить, потайной мешок для тех вещей, которые мы предпочли бы оставить в тайне до конца жизни. Однако мы очень любим наблюдать за другими, верно? Сквозь стекло мы мрачно следим за тем, как вертится земля, точнее, наш мир, населенный теньями и отражениями и такой близкий – достаточно разок кликнуть мышью. Человек, убивший себя, продолжает жить на фотографиях и видео. Это отвратительно, но и странным образом притягательно. Мы пытаемся понять, не обманывают ли нас, не подделка ли это. Ну да, вполне может быть и подделкой; нет того, чего нельзя подделать. Но на экране компьютера все выглядит так реально! Даже самые обычные, повседневные вещи – и, возможно, они в первую очередь – как бы обретают некое дополнительное значение, особую важность, если увидишь их, скажем, в объектив фотоаппарата.

Например, та девушка. Почти каждый день она проходит мимо моего дома, в ярко-красном пальто из бобрика, подгоняемая ветром, и даже не подозревает о том, что на нее кто-то смотрит через объектив. У нее, как и у меня, есть свои привычки. Ей известна сила страсти. Она понимает, что мир вращается не благодаря любви или богатству, а благодаря одержимости.

Одержимости? Ну конечно. Мы все одержимы. Мы просто помешаны на телевизоре, на размерах собственного пениса, на деньгах и славе, на чужой любви. Этот виртуально-добродушный, хотя и далекий от добродетельного мирок представляет собой вонючую помойку, где полно всякого вздора, интеллектуального мусора и прочей чепухи – от торговли подержанными автомобилями и «Виагрой» до музыки, игр, сплетен, лживых историй и даже маленьких личных трагедий, которые, впрочем, теряются в общем потоке информации, не оправдывая тщетной надежды, что ты в кои-то веки оказался кому-то небезразличен, что кто-то попытается установить с тобой связь...

Вот тут в Сети появляется веб-журнал, возможность высказаться в любое время года. Ограниченный статус – для приватных постов, для всех прочих – публичный. В своем журнале я могу совершенно свободно, без боязни осуждения, изливать душу, могу быть собой – да вообще кем угодно – и существовать в мире, где все не такие, какими кажутся, где любой член любого племени волен делать то, что вздумается...

Член племени? Ну да, каждый принадлежит к какому-то племени, и у каждого из племен – своя социальная организация, свои пределы и подразделения, свои бинарные вены и капилляры, сплетающиеся, точно ветви, в бесконечном множестве, увеличивая дистанцию от мейнстрима. Богач в замке, бедняк у жалкой калитки, извращенец, следящий за кем-то с веб-камерой – никто из них не должен охотиться в одиночку, как бы далеко ни отошли они от своей стаи. У каждого здесь найдется дом, то место, где кто-нибудь примет нас к себе и удовлетворит все наши запросы.

Большинство людей, правда, легко удовлетворяются тем, что наиболее популярно. Они каждый раз выбирают ванильное мороженое. Любители ванильного мороженого – это хорошие парни, привычные и понятные, словно кока-кола. Сознание у них такое же незамутненное и белоснежное, как их безупречные зубы. Они высокие, загорелые и всегда имеют презентабельный вид, они любят перекусить в «Макдоналдсе», ненужное барахло выносят на помойку, у них всегда при себе справка от нарколога, и они никогда бы не выстрелили человеку в спину.

Зато плохие парни привносят в мир миллион соблазнов. Они лгут, обводят людей вокруг пальца и заставляют сердца биться быстрее – а порой и останавливаться, причем совершенно неожиданно. Вот почему я создал badguysrock. Изначально это было сообщество в веб-журнале, куда писали все негодяи виртуального мира, теперь же это форум для плохих парней, где можно вовсю разгуляться, вне досягаемости полицейских, где можно торжествовать, совершив преступление, поддерживать таких же злодеев, как ты сам, и с гордостью носить корону собственной злонамеренности.

Членство открытое, можно вступать хоть сейчас; стоимость вступления – один пост. Писать можно что угодно: художественную прозу, фантастику, эссе или просто чушь собачью; также, если хочешь в чем-то открыто признаться, тут тебе самое место: никаких имен, никаких правил, никаких опознавательных знаков, кроме одного.

Нет, не черного, как вы могли подумать. Черный слишком ограничивает. Черный предполагает отсутствие глубины. А вот синий и креативен, и достаточно меланхоличен. Синий – это музыка души. Синий – это цвет нашего племени, поскольку включает все оттенки злодея, все ароматы нечестивого желания.

Пока что племя у нас довольно маленькое, в нем нет и дюжины постоянных участников.

Первый, конечно же, Captainbunnykiller; Энди Скотт из Нью-Йорка. Блог Кэпа – это смесь ослиного юмора, порнографических фантазий и свирепого сквернословия в адрес ниггеров, алкашей, токсикоманов, педиков, всевозможных говнюков, толстяков, христиан и с недавнего времени французов. Однако я лично сомневаюсь, что Кэп когда-нибудь убил хоть одно живое существо.

Затем Chrysalisbaby, также известная под именем Крисси Бейтмен из Калифорнии. Внешне типичная уродка: с двенадцати лет сидит на диетах, но весит более трехсот фунтов. В прошлом не раз влюблялась во всяких отморожков. Но так ничему и не научилась. И не научится.

Далее у нас ClairDeLune, для друзей Клэр Митчелл. Она местная, преподает в колледже Молбри курс творческого самовыражения (этим объясняется ее несколько высокомерный тон и приверженность к окололитературному невнятному лепету). Также она руководит группой писателей-самоучек в онлайн, кроме того, она создала не такой уж маленький фан-сайт, посвященный одному характерному актеру средних лет – назовем его, к примеру, Голубым Ангелом. Клэр без ума от него. Не знаю, почему ее выбор пал именно на этого Ангела, видимо, случайно; по-моему, он самый заурядный актер, которому чаще всего достаются роли всяких темных личностей: ущербных мерзавцев, серийных убийц и прочих плохих парней. Актер далеко не первого плана, но его физиономию вы бы сразу узнали. На своем сайте Клэр часто помещает его фотки. Забавно, что чисто внешне он немного напоминает меня.

Затем идет Toxic69, или Стюарт Доусон из Лидса. Искалечен в мотоциклетной аварии. Вся его сердитая жизнь проходит в Сети, где никто не должен его жалеть. Есть еще Ruperwnpage9 из Файфа, которого интересуют исключительно игры «Воркрафт» и виртуальные вселенные; он и не замечает, что реальная жизнь проходит мимо него. Есть среди нерегулярных посетителей сайта и переменное количество всяких подозрительных шпионов,

например некая JennyTricks, или BombNumber20, или Jesusismycopilot и так далее; их реакция на наши посты бывает самой непредсказуемой – от восхищения до ярости, от невинной детской радости до богохульства.

И наконец, Albertine. Определенно ни на кого не похожа. Ее посты носят исповедальный характер, что весьма многообещающе, хоть я и чувствую в ее откровениях намеков на опасность, мрачный подтекст, схожие, однако, и с моим собственным стилем. Она, кстати, живет прямо здесь, в нашем городе, не более чем в десяти улицах от меня...

Совпадение?

Не совсем. Я давно уже за ней наблюдаю. Особенно пристально – с тех пор, как погиб мой брат. Без всякого злого умысла, просто из любопытства и отчасти из зависти. Она производит впечатление человека очень самоуверенного и спокойного. Видимо, она надежно укрылась в своем собственном маленьком мирке и не имеет ни малейших представлений о том, что происходит в действительности. Ее посты всегда такие интимные, такие безыскусные, такие до странности наивные! Просто невозможно поверить, что она одна из нас, что она такой же «плохой парень», как и все мы. Когда-то ее пальцы, точно маленькие дервиши, плясали по клавишам фортепиано. Я хорошо это помню. Помню и ее нежный голос, и ее имя, источающее аромат розы.

Поэта Рильке убила роза. А все-таки здорово у него получилось – в духе «Sturm und Drang»!³ Какая-то царапина, оставленная шипом розы, в которую попала грязь и вызвала заражение крови; опасный подарок с замедленным действием. Правда, лично я ничего приятельного в розах не вижу. Мне куда ближе семейство орхидей, этих губителей мира растений, тянущихся к жизни повсюду, при любой возможности, неуловимых и коварных. А розы так банальны – со своими пышными завитушками тошнотворного розового цвета жевательной резинки, со своим интригующим запахом, с листвой, вечно поеденной жучками и покрытой коричневыми пятнами, со слабыми маленькими шипами, которые, впрочем, способны нанести укол в самое сердце...

«О роза, ты больна...»

А мы все не больны?

³ «Буря и натиск» (нем.) – литературное движение в Германии 1870-х гг.

4

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 23.30, понедельник, 28 января

Статус: ограниченный

Настроение: созерцательное

Музыка: Radiohead, Creep

Называйте меня Би-Би. Так меня все называют. Никто, кроме банковских служащих и полицейских, никогда не пользуется моим настоящим именем. Мне сорок два года, рост – пять футов восемь дюймов, у меня мышинного цвета волосы и голубые глаза. Всю свою жизнь я прожил здесь, в Молбри.

Пишется: «Malbry», читается: «Мол-бри». По-моему, уже от самого этого слова несет дерьмом. Впрочем, я чрезмерно чувствителен к словам, к тому, как они звучат и резонируют. Именно поэтому у меня теперь и йоркширского акцента нет, да и от своей детской привычки заикаться я полностью освободился. Особенностью произношения у нас в Молбри является чрезмерная растянутость гласных и невнятность гортанных звуков, отчего каждое слово будто окутано грязноватой пленкой. В здешних местах постоянно с этим сталкиваешься; девочки-подростки с прилизанными и зачесанными волосами произносят свое «hiyaaa»⁴, обладающее привкусом синтетической клубники. Мальчишки еще меньше следят за артикуляцией, что не мешает им орать «фрик» и «лузер», когда я прохожу мимо; их ломающиеся голоса то дают петуха, то звучат глухо, как удары большого барабана, от их слов пахнет пивом и потом, как в мужской раздевалке. Но чаще всего я просто их не слышу. Ведь моя жизнь – это непрекращающийся саундтрек, обеспеченный мне айподом, в который я закачал более двадцати тысяч композиций, сорок два плей-листа – по одному на каждый год моей жизни, и каждый со своей специфической тематикой...

Фрик. Они выкрикивают это слово, надеясь, что оно меня задевает. Видимо, в их мире подобный ярлык невообразимо страшен. А мне-то как раз кажется, что самое страшное – стать таким же, как они: слишком рано жениться, жить на пособие по безработице, научиться пить пиво и курить дешевые сигареты, завести детей, обреченных в точности повторить судьбу родителей, – ведь единственное, что эти люди умеют делать хорошо, это размножаться, плодить себе подобных. Впрочем, долго они не живут, но, хвала Господу, постоянно преумножают свою численность – и если именно то, что я не имею ни малейшего желания хоть в чем-то следовать их примеру, делает меня фриком...

А вообще я обычный человек. Голубые глаза – самое красивое, что во мне есть, так считают многие, хотя не всем нравится их холодный оттенок. Вы вряд ли обратили бы на меня внимание. Я замечательно неприметен. Говорю я мало, лишь в случае острой необходимости. Здесь только так и можно выжить – не позволять нарушать свое личное пространство. Молбри – то место, где прямо-таки кишат всевозможные тайны, слухи и сплетни, поэтому приходится осторожничать и не выставлять себя напоказ.

Не сказать, что сам городок ужасен. Старый район под названием Деревня очень даже мил с типичными для Йоркшира сгорбленными каменными коттеджами, церковью и единственным строением крошечных лавчонок. Здесь редко что-либо случается; оживление наступает по субботним вечерам, когда дети болтаются возле церкви и, пока их родители торчат в пабе, покупают чипсы у китайца-разносчика, а пакеты и обертки запихивают в зеленую изгородь.

⁴ Hiya! (англ.) – сленг, означающий «Привет!».

К западу от Деревни расположена Миллионерская улица – так называет ее моя мать; это два ряда больших каменных домов, отгороженных от проезжей части широким газоном и густыми деревьями. Дома солидные: высокие каминные трубы, четырехдюймовый брус, ворота с дистанционным управлением. Чуть дальше – средняя школа Сент-Освальдс, окруженная двенадцатифутовой стеной с геральдическими решетками на воротах. К востоку кирпичными террасами спускается Красный город, где родилась моя мать, а в самой западной части раскинулся Белый город, весь в зарослях бирючины, среди которых выются посыпанные гравием тропинки. Там, правда, не такая доброжелательная атмосфера, как в Деревне, но я, например, давно научился избегать опасных мест. В Белом городе находится и наш дом, он стоит на окраине; перед ним квадратная лужайка, заросшая травой, клумба и зеленая изгородь, спасающая нас от любопытных соседей. В этом доме я и появился на свет, и с тех пор в нем вряд ли что-то изменилось.

Разве только у меня появились кое-какие привилегии. Например, я езжу на синем «Пежо-307», зарегистрированном на имя моей матери. Затем у меня имеется собственный кабинет со стеллажами для книг, айподом, компьютером и целой стеной компакт-дисков. Также мне удалось собрать настоящую коллекцию орхидей; правда, по большей части это гибриды, но есть и парочка довольно редких *Zygopetala*, в названии которых чувствуется аромат дождевых лесов Южной Америки, откуда они родом; цветы у них просто потрясающие: какие-то невероятно яростные оттенки первобытного зеленого и кислотно-синего, а на лепестках пестрые крапинки, точно на крыльях бабочки, – такие краски ни один художник не сможет повторить. Кроме всего прочего, у меня имеется еще и темная комнатка в подвале, где я проявляю и печатаю фотографии. В Сеть я, разумеется, их не выкладываю. Но мне приятно думать, что в этой сфере у меня есть кое-какие способности.

В пять утра по будням, надев костюм и рубашку в голубую полоску и держа в руках портфель, я прихожу на работу в больницу Молбри – во всяком случае, приходил до недавнего времени. Моя мать очень этим гордится, то есть тем, что ее сын ходит на работу в костюме. А чем я там занимаюсь, для нее почти неважно. Я холост, честен, изыскан в беседе, и, если бы это была очередная телевизионная мелодрама, которые так любит ClairDeLune, мой безупречный жизненный стиль и незапятнанная репутация, возможно, сделали бы меня главным подозреваемым.

А в реальности меня замечают только дети. Для них любой мужчина, который продолжает жить вдвоем с мамой, либо гомик, либо придурок. Впрочем, подобное мнение – скорее привычка. Вряд ли они действительно так думают. Если б они сочли меня опасным, то вели бы себя совершенно иначе. Ведь когда убили того мальчика, ученика Сент-Освальдс, да еще в двух шагах от дома, никому и в голову не пришло, что я могу иметь к этому хоть какое-то отношение.

Естественно, то убийство вызвало мое любопытство. Убийство всегда интригует. Кроме того, я уже начинал обретать сноровку и понимал, что полезна любая информация, любые намеки, которые достигнут моих ушей. Я всегда восхищался красивыми убийствами, совершенными чисто и аккуратно. Под это определение подходят очень немногие; преступники по большей части вполне предсказуемы, да и убийства в основном некрасивы и весьма банальны. А это уже само по себе почти преступление – вам не кажется? – когда такой восхитительный акт, как лишение жизни, превращается в нечто обыденное и напрочь лишенное артистизма.

В художественной литературе не бывает идеальных преступлений. В кино отрицательный герой, он же плохой парень, неизменно обладает блестящим умом, даже харизмой, но всегда совершает фатальную ошибку. Он упускает из виду мелочи, предается тщеславию, теряет самообладание и в итоге оказывается жертвой какого-нибудь исполненного иронии стечения обстоятельств. Сколько бы мрака и тумана ни напускали в фильме, ванильная серд-

цевина все равно проглядывает, так что счастливый конец обеспечен тем, кто его заслуживает. А плохим парням уготовано тюремное заключение, выстрел в сердце или – что гораздо лучше с драматической точки зрения, хотя статистически почти невозможно, – падение с крыши какой-нибудь высоты. Тем самым бремя наказания передается государству, а главный герой, хороший парень, освобождается от чувства вины за то, что был вынужден лично пристрелить этого мерзавца.

Однако мне известно, что все не так и большинство убийц отнюдь не блещут умом и никакой харизмой не обладают, а, напротив, чаще всего это типы весьма среднего уровня и довольно тупые. Но полицейские настолько завалены всякой бумажной работой, что даже несложные убийства вполне могут проскользнуть через их сеть – например, нападения с ножом или огнестрельным оружием, обычные драки, когда основного преступника, даже если он и покинул сцену преступления, зачастую легко отыскать в ближайшем пабе...

Называйте меня романтиком, если угодно, но я действительно верю в идеальное преступление. Как и встреча с настоящей любовью, это просто вопрос времени и терпения; нужно верить, не терять надежду, пользоваться моментом, точно уловить день...

Вот так мои интересы и привели меня сюда, в мое одинокое убежище – в сообщество badguysrock. Безобидные интересы, по крайней мере сначала, хотя вскоре я стал рассматривать и иные возможности. Но тогда все действительно было связано с чистым любопытством, с возможностью наблюдать за другими, будучи невидимым, изучать мир, лежащий за пределами моего собственного мирка, замкнутого в узком треугольнике между Молбри, Деревней и пустошами Незер-Эдж, дальше которых я не осмеливался и заглянуть. Интернет с миллионами географических карт был мне столь же мало знаком, как планета Юпитер, но однажды я просто оказался в Сети, почти случайно. Словно изгой, я следил за чужой, неведомой мне жизнью, за сменявшимися друг друга изображениями и постепенно осознавал: это и есть по-настоящему мое, здесь мне и следует быть, сюда я сбегу, избавлюсь и от Молбри, и от прежней жизни, и от матери.

Моя мать. Как звучит, а? Мать – слово сложное, насыщенное таким множеством ассоциаций, что я вряд ли могу его по-настоящему понять, а значит, прочувствовать. Порой оно того же чистого голубого цвета, что и одеяние Девы Марии, а порой серого, как клубы пыли под кроватью, где я любил прятаться в детстве. Иногда оно бывает зеленым, словно сукно в лавке на рынке, и пахнет неуверенностью, утратой, черными раскисшими бананами, солью, кровью и воспоминаниями...

Моя мать. Глория Уинтер. Она причина того, что я все еще здесь, что на все эти годы я застрял в Молбри, точно растение, которому слишком тесно в горшке, чтобы зацвести. Я всегда был при ней. Как и все остальное. Если не считать соседей, ничего никогда не менялось. Дом с тремя спальнями, аксминстерский ковер⁵, обои с тошнотворными цветочками, на кухне – зеркало в позолоченной раме, прикрывающее обвалившуюся штукатурку, потерявшая гравюра китайской девушки, лакированная ваза на каминной полке и собачки.

Ох уж эти собачки! Эти чудовищные фарфоровые твари!

Сначала коллекционирование было просто хобби, потом превратилось в болезненную страсть, в последнее время ставшую совершенно неуправляемой. Теперь у нас на каждой поверхности собаки: спаниели, немецкие овчарки, чихуахуа, бассеты и йоркширские терьеры (ее любимцы). У нее есть музыкальные собаки, есть множество собачьих портретов – например, собак, одетых как люди, есть собаки с жадно высунутым языком, подпрыгивающие на месте от нетерпения, а есть такие, которым велели сидеть, и они сидят смирно, с

⁵ Род бархатного ковра с большими вытисненными цветами; первоначально такие ковры производились в г. Аксминстер, графство Девоншир.

выжидательным выражением на морде, призывно подняв переднюю лапу и выставив торчком уши, просвечивающие розовым.

Однажды, еще в детстве, я одну такую собачку кокнул, и мать побила меня куском электрического провода, хоть я и отрицал свою вину. До сих пор я этих собак не перевариваю, о чем мать прекрасно знает. Но ведь это «ее детки», как она выражается (с ужасающими девичьими ужимками), и, потом, она же никогда не жалуется на то, каким отвратительным хламом у меня наверху все завалено.

Хотя она понятия не имеет, чем я там занимаюсь. Я строго соблюдаю границы личной территории: все мои комнаты запираются на ключ, и ей туда хода нет. Собственно, моя территория – это перестроенный чердак, где находятся кабинет, ванная и спальня, а также моя любимая темная комнатка в подвале, где я проявляю фотографии. Здесь я чувствую себя действительно дома – вокруг мои книги, музыкальные записи, интернетовские френды. Мать предпочитает коротать дни в гостиной; там она курит, отгадывает кроссворды, вытирает пыль с собачек и смотрит телевизор.

Гостиная. Я всегда ненавидел это слово с фальшивым привкусом принадлежности к среднему классу, насквозь провонявшее цитрусовым освежителем воздуха. Теперь я ненавижу его еще больше – из-за материной гостиной с полинявшим ситцем, фарфоровыми собачками и отвратительным запахом отчаяния. Конечно, я не смог бы бросить ее. С самого начала она прекрасно это понимала, знала, что если решит остаться в этом доме, то и меня с собой удержит, прикованного к ней цепью, подобно узнику или рабу. Я ведь такой почтительный сын. Всегда обеспечиваю порядок в саду. Забочусь о наличии необходимых лекарств. Отвожу ее на машине в танцкласс на занятия сальсой (мать тоже умеет водить машину, но предпочитает, чтобы ее возили). Порой, когда ее нет рядом, я мечтаю...

Моя мать вся состоит из конфликтов и противоречий. Сигареты «Мальборо» практически лишили ее обоняния, но она постоянно пользуется духами фирмы «Герлен» «L'Heure Bleue». Она не любит романы, но обожает словари и энциклопедии. Она покупает готовые обеды в магазине «Маркс энд Спенсер», а фрукты и овощи – всегда только на рынке и всегда самые дешевые, то есть помятые, побитые или залежалые.

Дважды в неделю в обязательном порядке (не пропустив даже неделю, когда погиб Найджел) мать надевает красивое платье и туфли на высоком каблучке, и я отвожу ее в танцевальный класс Молбри-колледжа, где она танцует сальсу. После занятий она обычно встречается с друзьями, они выпивают по чашечке какого-нибудь мудреного чая или даже бутылку «Совиньон блан», и мать с претензией на аристократизм рассказывает обо мне и моей работе в больнице, где без меня, по ее словам, «совершенно не обойтись» и где я «ежедневно спасаю человеческие жизни». В восемь я заезжаю за ней, хотя от кафе до автобусной остановки рукой подать. «Этим бандюганам из пригородов, – говорит она, – ничего не стоит пырнуть ножом любого, и охнуть не успеешь».

Возможно, она права, что бережет себя. Члены нашей семьи, судя по всему, предрасположены к несчастным случаям. И все же мне заранее жаль того бандюгана, который осмелится подойти к моей мамуле. Уж она-то сумеет за себя постоять! Даже сейчас, в свои шестьдесят девять, она вполне способна и кровь пустить. Она отлично умеет нанести ответный удар любому, кто нам угрожает. Возможно, теперь она несколько сдала по сравнению с теми временами, когда в ход пускался кусок электрического провода, но и сейчас было бы в высшей степени неразумно идти против Глории Уинтер. Я постиг эту премудрость с малолетства и в данном случае оказался весьма прилежным учеником. Не таким, правда, сообразительным, как Эмили Уайт, та слепая девочка, история которой сильно повлияла на мою жизнь, но все же у меня хватило ума выжить, чего, кстати, не удалось ни одному из моих братьев.

Но разве все это не в прошлом? Эмили Уайт давным-давно в могиле; затих ее жалобный голосок, сожжены ее письма, а нечеткие моментальные фотографии пожухли и свер-

нулись в трубочку в потайных ящиках и на книжных полках Особняка. И даже если бы она невероятным образом осталась жива, пресса уже позабыла бы о ней. Хватает и других событий, чтобы поднимать кипеж, и новых скандалов, которыми вполне можно занять умы. Исчезновение одной маленькой девочки, случившееся более двадцати лет назад, – кому это интересно? Жизнь не стоит на месте. Эмили Уайт все давно выкинули из головы. И мне пора сделать то же самое.

Но есть проблема: ничто никогда не кончается. Если мать и сумела кое-чему меня научить, так именно этому. Ничто не кончается, просто ты неторопливо приближаешься к самому центру, точно разматывая клубок пряжи. Сначала ты сматываешь и сматываешь нитку, клубок все крутится, крутится, крутится, нить пересекается, перекручивается, и вскоре сердцевина клубка совсем скрывается под вереницей лет. Но недостаточно просто спрятать свое прошлое. Кто-нибудь обязательно его обнаружит, размотав клубок. Кто-нибудь всегда лежит в засаде и ждет, когда ты ослабишь внимание, утратишь бдительность хоть на секунду, и тут же – хоп! – прошлое взрывается и летит прямо тебе в физиономию.

Возьмем, к примеру, ту девушку в пальтишке из бобрика. Ту, что напоминает Красную Шапочку со своими розовыми щечками и невинным выражением лица. Разве можно поверить, что она не такая, какой кажется? Что под плащом абсолютной невинности бьется сердце хищницы? Разве, глядя на нее, вы сможете представить, что она способна отнять у человека жизнь?

Ведь не сможете, верно? Ну ладно, не спешите с ответом.

Но со мной ничего не случится. Я очень тщательно все продумал. И когда это произойдет – а мы знаем, что так и случится, – Голубоглазый будет уже далеко, на другом конце света, будет сидеть в тени на берегу моря, слушать шум прибоя и любоваться парящими над водой чайками...

Но все это будет только завтра, верно? А сейчас у меня в планах иное. По-моему, самое время выложить в веб-журнал очередной рассказ о вымышленном герое – в таком виде я нравлюсь себе гораздо больше. Да и повествование от третьего лица добавляет отстраненности, как уверяет Клэр, дает возможность говорить то, что хочется. И потом, так приятно иметь постоянную аудиторию. Даже убийца любит похвалу. Возможно, именно поэтому я и пишу художественную прозу, а не из-за потребности исповедаться. Хотя, признаюсь, сердце у меня бьется сильнее всякий раз, когда я читаю в Сети комментарии, даже если они присланы Крисси или Кэпом, которые никогда не признают гения, как бы он им ни навязывался.

Порой я чувствую себя царем кошек, который правит армией мышей – наполовину из хищных интересов, наполовину из потребности в подобоострастных голосах. Это к вопросу об оправдании и одобрении, как вы понимаете. И когда утром я захожу в почту и вижу, сколько пришло отзывов, это странным образом меня успокаивает...

Лузеры, жертвы, паразиты – и все же я не могу остановиться и перестать их коллекционировать, как не могу перестать коллекционировать орхидеи, как когда-то «коллекционировал» всяких шустрых тварей, складывая их в синее игрушечное ведерко на морском берегу, как когда-то меня самого превратили в экспонат обширной коллекции.

Да, пора переходить к следующему убийству. Публичный пост в веб-журнале несколько уравнивает мои глубоко личные размышления. И что еще более важно, уравнивает во мне убийцу. Потому что, хоть я и пишу о нем в третьем лице, он...

В общем, мы с вами отлично понимаем, что речь обо мне.

5

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Статус: публичный

Настроение: мрачное

Музыка: Nick Lowe, The Beast in Me

Несчастные случаи по большей части приключаются дома. Зная об этом слишком хорошо, он с раннего детства старательно избегал того, что хотя бы потенциально способно причинить вред. Обходил стороной площадку для игр с ее качелями, каруселями и слоем сосновых иголок. Рыбный пруд с его топкими берегами, где маленький мальчик может легко поскользнуться, упасть в воду и утонуть, запутавшись в водорослях. Велосипеды, которые способны сбросить тебя на асфальт, и тогда ты до крови поранишь коленки и локти или даже попадешь под автобус, который и вовсе сдерет с тебя шкуру, как с апельсина, а твое истерзанное тело так и оставит лежать на дороге. Других детей он тоже сторонился – противные мальчишки не понимали, какой он особенный и впечатлительный, и потому вполне могли расквасить ему нос, а противные девчонки – разбить сердце...

Несчастные случаи так легко происходят.

Поэтому единственное, что ему нужно понять, это как создать условия для идеального несчастного случая. Может, подстроить автомобильную аварию? Или падение с лестницы? Или просто скромный пожар, вызванный замыканием электропроводки? Но как подстроить несчастный случай – фатальный, конечно же! – для той, которая не водит машину и не занимается опасными видами спорта, которая считает, что «пуститься в загул» – это всего лишь смотреться с подружками в город (она и ее приятельницы всегда именно сматываются, а не ездят в город), посплетничать и выпить стаканчик вина?

И боится он не преступного акта как такового. Он боится последствий. Ведь его вызовут в полицию, он попадет в число подозреваемых, какой бы случайностью ни казалось данное происшествие, и тогда ему придется отвечать на множество вопросов, умолять, уговаривать, убеждать в том, что он ни в чем не виноват...

Вот почему придется тщательнейшим образом выбрать подходящий момент. Осечки быть не может, как не может быть и никаких отступлений или поправок. Ему известно, что убийство во многом напоминает секс; некоторые умеют не спешить, наслаждаться ритуалом соблазнения, отказа и примирения, радостью неопределенности и пронзительным ощущением охоты. Но большинство просто желают увидеть, как это произойдет, желают скорее избавиться от потребности, незамедлительно дистанцироваться от ужасов подобной интимности и испытать наконец несказанное облегчение.

Великие любовники знают, что все далеко не так просто.

Великие убийцы тоже прекрасно знают об этом.

Нет, он не великий убийца. Так, подающий надежды любитель. Не имея четкого *modus operandi*⁶, он чувствует себя точно неизвестный начинающий артист, которому совершенно необходимо найти свою манеру игры. А это самое трудное – как для артиста, так и для убийцы. Убийство, как и любой акт самоутверждения, требует невероятной уверенности в себе. А он пока ощущает себя новичком, застенчивым, колеблющимся, скрывающим свои таланты и не решающимся обрести известность. Несмотря ни на что, он по-прежнему чрез-

⁶ Латинское выражение, обычно переводится как «образ действия»; в юриспруденции используется для описания способа совершения преступления.

вычайно уязвим и по-прежнему боится – но не самого действия, а того, как это будет воспринято, и тех людей, которые неизбежно станут судить его, выносить ему приговор, но сами так ничего и не поймут...

Ну а ее он ненавидит. Иначе и планировать бы ничего не стал. Он не имеет ничего общего с тем убийцей из Достоевского, который действует по воле случая, практически бездумно. Нет, он ненавидит ее с такой страстью, какой никогда ни к кому не испытывал, эта страстная ненависть цветет в его душе и в его крови, унося от реальности, точно горькая голубая волна...

Ему интересно: а как все будет потом? Когда он станет раз и навсегда свободным от нее. Свободным от ее извечного присутствия, которое словно обволакивает его со всех сторон. Свободным от ее голоса, от ее лица, от ее привычек. Но он опасается – ведь никогда еще ничего подобного не испытывал, – а потому собирается действовать очень осторожно, выбирая цель (он не желает пользоваться словом «жертва») в полном соответствии с правилами, подготавливая все с чрезвычайной аккуратностью и дотошностью, которые, впрочем, свойственны ему и в обычной жизни...

Несчастный случай. Только и всего.

Он понимает: чтобы бросить вызов и пересечь границу, сначала нужно научиться следовать правилам. Чтобы приблизиться к совершению подобного акта, надо много тренироваться, оттачивая мастерство на каком-нибудь базовом элементе – в точности как скульптор работает с глиной, безжалостно уничтожая все, что не соответствует замыслу, бесконечно повторяя и повторяя попытки до тех пор, пока не достигнет желаемого результата и не создаст истинный шедевр. Было бы наивным, говорит он себе, ожидать успеха после первой же попытки. Это ведь как в сексе или в искусстве: первый раз всегда сильно разочаровывает, получается не слишком элегантно и даже весьма неуклюже. Ничего, он давно готов к этому. Пока его главная цель – не быть пойманным. Все должны считать происшедшее несчастным случаем – и его взаимоотношения с предметом, с его главной целью, должны казаться достаточно далекими и сбить со следа тех, кто станет выявлять его причастность к событию.

Видите, он уже и думает как убийца. Он ощущает в своем сердце колдовскую притягательность злодеяния. Хотя никогда не причинил бы зла тому, кто не заслуживает смертной казни. Может, он и плохой парень, но несправедливость ему не свойственна. И он не выродок. Он никогда не станет заурядным убийцей с кистенем в руке, бездумным, ошалевшим от собственной смелости, грязным, промокшим от слез раскаяния. Столь многие умирают совершенно бессмысленной смертью, а в данном случае будут и причина, и порядок, и... да, и справедливость! Одним паразитом в мире станет меньше, и мир чуточку очистится...

Резкий крик снизу вторгается в его фантазии, и он с раздражением замечает, как его охватывает дрожь, вызванная чувством вины. Она почти никогда к нему не заходит. Да и зачем лишний раз подниматься по лестнице, если она прекрасно знает, что ее оклик непременно заставит его спуститься?

– Кто там у тебя? – спрашивает она.

– Никого, ма.

– Я слышала какой-то шум.

– Я просто сижу в Сети.

– Болтаешь со своими воображаемыми друзьями?

Воображаемые друзья. Неплохо сказано, ма!

Ма. Это лепет малыша, это шепот лежачего больного, слабый, с привкусом горячего молока, беспомощный. Такой беспомощный, что ему нестерпимо хочется пронзительно завопить...

– Все равно спускайся. Тебе пора пить напиток.

– Подожди, я скоро.

Смерть. Мать. Какие похожие слова. Матриарх. Матрицид⁷. Паразит. Паррицид. Последнее означает убийство кого-то из близких родственников, а звучит как название химического вещества для избавления от паразитов. И все эти слова окрашены в различные оттенки синего – синего, как то одеяло, которое она подтыкала ему каждый вечер, когда он был маленьким, – и все они пахнут эфиром и горячим молоком...

Ночь, детка. Спи крепко.

Каждый маленький мальчик любит свою маму. И мама тоже очень любит своего мальчика. «Я так сильно тебя люблю, Би-Би, что взяла бы и проглотила». А что, возможно, и проглотила бы; сейчас у него как раз такое чувство, словно его проглотило нечто медлительное и безжалостное, и спастись от этой твари невозможно, она засасывает все глубже и глубже в свою жуткую утробу...

Swallow. По-английски это и «проглотить», и «ласточка». Ласточка – какое синее слово! Улететь на юг, в синий простор небес. И пахнет это слово морем, но у него соленый привкус слез, и оно заставляет его снова вспоминать то синее ведро и несчастных суетливых морских тварей, пойманных в ловушку и постепенно умирающих на жарком солнце...

Она говорит, что очень им гордится, его работой, его умом, его даром. Дар... По-английски gift. А в немецком это слово означает «яд». Значит, бойтесь немцев, дары приносящих... Бойтесь ласточек, улетающих на юг. На южные острова, на острова его грез, на голубые Азорские и Галапагосские острова, на Таити, на Гавайи...

Гавайи. Прощай. Самый южный край той карты, что постоянно у него перед глазами. Страна, пропахшая заморскими специями. Он, правда, никогда там не был, но ему необычайно приятна колыбельная напевность слова «Гавайи», в котором слышится тихий смех, белый песок пляжей, заросшие пальмами берега и голубые небеса с белыми барашками облачков. И аромат плюмерии. И хорошенькие девушки в разноцветных саронгах с цветами в длинных волосах...

Но он-то знает, что ему не суждено полететь на юг. Его мать при всех своих амбициях никогда не имела склонности к путешествиям. Она любит свой маленький мир и свои фантазии – ту безопасную нишу, которую шаг за шагом она высекла в скале пригородной жизни. Она никогда не уедет отсюда, он это отлично понимает; она присосалась к нему, последнему из ее сыновей, точно моллюск, точно паразит...

– Эй! – кричит ему снизу мать. – Так ты спускаешься или нет? Ты вроде обещал скоро спуститься.

– Да-да, спускаюсь, ма.

«Ну конечно спускаюсь. Я всегда делаю то, что сказал. Неужели я когда-нибудь тебе врал?»

Стоит ему появиться в гостиной, где пахнет дешевым фруктовым освежителем воздуха, то ли грейпфрутовым, то ли мандариновым, как его охватывает такое острое отчаяние, что ему кажется, будто он попал прямо в брюхо какого-то огромного, вонючего, умирающего животного – динозавра или выброшенного на берег синего кита... А от проклятого запаха синтетических цитрусовых его так тошнит, что он с трудом сдерживает рвоту...

– Иди сюда. Я уже приготовила твой напиток.

Она сидит в маленькой кухоньке, руки сложены на груди, ноги всунуты в туфли на высоком каблуке, подъем ступней выпирает горбом, как спина верблюда. Всегда при виде матери его на мгновение охватывает удивление: какая же она маленькая! Когда ее нет рядом, она представляется ему куда более крупной, а на самом деле она маленького роста, намного ниже его, и только руки у нее на редкость крупные, особенно по сравнению с тщедушным,

⁷ Матереубийство.

каким-то птичьим телом; суставы пальцев опухли и совершенно утратили форму, но не только от артрита, а еще и от колец, которые она понадевала за эти годы: старинный золотой соверен, созвездие бриллиантов, турмалин цвета «Кампари», кабошон малахита и плоский синий сапфир, оправленный в золото...

Ее голос одновременно и ломок, и странно проникновенен.

– Ты выглядишь ужасно, Би-Би, – замечает она. – Надеюсь, ты не собираешься слечь с чем-нибудь?

Она произносит «слечь» с такой неприязненной подозрительностью, словно он уже принес в гостиную неведомую заразу.

– Я просто плохо спал, – отвечает он.

– Выпей скорей витаминный напиток.

– Ма, я совершенно здоров...

– Напиток пойдет тебе на пользу. Давай, давай, пей, – настаивает она. – Тебе известно, что бывает, когда ты перестаешь его пить.

И он пьет, как обычно, и вкус у напитка, как и всегда, невнятный и гнилостный, словно в равных долях смешали фрукты и дерьмо. А мать смотрит на него, и во взгляде ее темных глаз светится ужасающая нежность. Затем она ласково целует его в щеку, и аромат ее духов – «L'Heure Bleue», конечно! – окутывает его, точно душевое одеяло.

– Может, ты ляжешь и немного поспишь? До вечера еще далеко. Тебя в этой больнице совершенно замучили работой! Это же просто преступление...

Вот теперь он действительно чувствует себя больным и раздумывает, не стоит ли и в самом деле прилечь. Лечь и накрыться с головой одеялом, потому что нет ничего хуже тех минут, когда он буквально тонет в ее нежности...

– ...ясно тебе? – доносится ее голос. – Мать всегда лучше знает!

Ма-теринский. Ма-стиф. Ма-стодонт. Эти слова плавают в его голове кругами, как пирании, почуявшие кровь. И голова уже начинает болеть, и ему известно, что скоро будет еще хуже, края предметов сначала расплывутся, потом над ними вспыхнут гирлянды радуг, которые затем как бы разбухнут и взорвутся множеством разноцветных вспышек, а в череп ему прямо за левым глазом вонзится острый шип...

– Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? – волнуется мать. – Может, мне посидеть с тобой?

– Нет! – возражает он; голова уже болит довольно сильно, а в ее присутствии ему станет только хуже. Он заставляет себя улыбнуться. – Не беспокойся, ма, пожалуй, мне действительно надо немного поспать. И через часок-другой я буду в полном порядке.

Он поворачивается, выходит из кухни и поднимается к себе, держась за перила; в этот момент боль наваливается на него с такой силой, что заглушает даже гадостный привкус проклятого «витаминного напитка». У него прямо-таки ноги подкашиваются, но он все же держится, понимая, что, если упадет, мать явится к нему и будет торчать у его постели много часов или даже дней – кто его знает, сколько продлится этот приступ...

Рухнув на так и не застланную постель, он говорит себе: все, спасения нет. Вердикт вынесен. Виновен. И теперь надо принять лекарство, он делает это каждый день, поскольку только оно способно очистить его от дурных мыслей и исцелить от того, что скрыто у него внутри...

Ночь, детка. Спи крепко.

Сладких тебе снов, Голубоглазый.

КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Chrysalisbaby: Вау, это круто!

JennyTricks: (сообщение удалено).

ClairDeLune: Весьма интригующе, Голубоглазый. Это что же, беседа с самим собой или просто портрет персонажа, который ты собираешься развивать в дальнейшем? Но как бы там ни было, я с удовольствием прочла бы продолжение!

JennyTricks: (сообщение удалено).

6

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 22.40, вторник, 29 января

Статус: ограниченный

Настроение: саркастическое

Музыка: Voltaire, When You're Evil

Идеальное убийство совершается в четыре этапа. Этап первый: установление объекта. Этап второй: наблюдение за его привычками и расписанием. Этап третий: проникновение в пределы его обитания. Этап четвертый: активные действия.

Так что спешить не стоит. Она едва на втором этапе. Каждый день проходит мимо моего дома, подняв от холода воротник своего ярко-красного пальто.

Красный совсем не ее цвет, только вряд ли она это понимает. Ей же неизвестно, как внимательно я слежу за ней, отмечая каждую деталь ее одежды, каждую мелочь: и то, как ветер подхватывает ее волосы, и то, как уверенно она ступает, отмечая свой путь легкими, почти незаметными прикосновениями к стене дома или к старой зеленой изгороди, и то, как она, замедлив шаг, оглядывается на гомон детворы во дворе. Зима сняла с деревьев листья, и в сухие дни они шуршат под ногами, источая слабый запах дыма. Я знаю, что ей тоже нравится гулять по старым аллеям парка среди обнесенных оградой цветников и прислушиваться к перешептыванию деревьев на ветру. Знаю, как она поднимает лицо к небу и, открыв рот, ловит губами капли дождя. Знаю, как незащищенно она выглядит, как опускаются уголки ее губ, когда она чем-то огорчена; знаю, как она поворачивает голову, когда к чему-то прислушивается, и как всем существом впитывает тот или иной запах.

Некоторые запахи ей особенно дороги; часами она слоняется перед булочной или стоит у ее дверей с закрытыми глазами, ловя аромат теплого хлеба. Ах, как бы мне хотелось напрямик поговорить с ней! Но, увы, у моей матери повсюду шпионы, которые разведывают, доносят, изучают...

Одна из них, Элеонора Вайн, сегодня вечером к нам заглянула. Причем явилась довольно рано, якобы желая выяснить, как чувствует себя моя мать, а на самом деле – интересуясь моим поведением и пытаясь увидеть во мне признаки печали или вины в связи с недавней кончиной моего брата. В общем, надеялась вынюхать, что творится у нас дома, и собрать всю возможную информацию.

В каждой деревне есть такая особа. Местная доброжелательница, у которой вечно дел по горло. Еще бы, ведь за сплетнями все обращаются именно к ней. Элеонора Вайн из Молбри, ядовитая жаба, являет собой неотъемлемую часть того высокотоксичного триумvirата, который и составляет свиту моей матери. Мне, видимо, оказали большую честь, ведь миссис Вайн редко выходит из дому, предпочитая наблюдать за окружающим миром сквозь тюлевые занавески, и лишь изредка милостиво приглашает близких ей людей в свое незапятнанное святилище на чай с бисквитами и ядовитыми новостями. У нее есть племянница по имени Терри, которая, как и я, посещает семинар «Литературное творчество как терапия». Миссис Вайн считает, что мы с Терри могли бы стать очаровательной парой. А я считаю, что миссис Вайн могла бы стать еще более очаровательным трупом.

Сегодня она прямо-таки источала мед.

– Ты выглядишь измученным, Би-Би, – заявила она, здороваясь со мной сочувственно тихим голосом, словно с инвалидом. – Надеюсь, ты заботаешься о своем здоровье?

В Деревне всем известно, что Элеонора Вайн страдает ипохондрией и ежедневно принимает штук двадцать разных пилюль, а также непрерывно дезинфицирует все в своем доме.

Когда-то, лет двадцать назад, уборку у нее делала моя мать, затем Элеонора вернула себе эту привилегию, так что ее часто можно видеть за кухонным окном, где на подоконнике цветут бархатцы; она неустанно полирует фрукты на хрустальном блюде, всегда стоящем посреди стола, и на ее худом бесцветном лице отражается смесь радости и беспокойства.

Я как раз слушал последний плей-лист на айпode. Мрачноватый, насмешливый голос Вольтера – контрапункт меланхоличному напеву цыганской скрипки – казался воплощением зла и порока.

...И это так просто, когда ты грешен.
Но такова жизнь, видишь ли.
Сам дьявол снимает передо мной шляпу...

– У меня все отлично, миссис Вайн, – бодро сообщил я.

– И у тебя ничего не болит?

Я покачал головой.

– Да что вы, у меня даже насморка нет!

– Просто тяжкая утрата порой вызывает физическое недомогание, – пояснила она. – Старый мистер Маршалл заполучил пневмонию через четыре недели после смерти жены. И умер, прежде чем на ее могиле успели воздвигнуть надгробие. «Икземинер» назвал это двойной трагедией.

Только представив себе, как я чахну с тоски по Найджелу, я не выдержал и улыбнулся.

– Слышала, участники семинара успели по тебе соскучиться.

Улыбка моя сразу увяла.

– Да неужели? Кто вам сказал?

– Так, люди говорят, – уклончиво ответила Элеонора.

Ну еще бы! Конечно, люди! Ядовитая старая корова!

Шпионит за мной и обо всем доносит матери, вот уж в чем я ни капли не сомневаюсь! И дополнительное спасибо Терри, еще одной шпионке, которая завелась среди членов нашего семинара «Литературное творчество как терапия», этого сборища паразитов и тупиц, с которыми я якобы делюсь – да еще и конфиденциально, как они считают, – подробностями своей беспокойной жизни.

– У меня было много дел, – сухо заметил я.

Элеонора одарила меня сочувственным взглядом.

– Понимаю. Тебе, наверное, нелегко пришлось. А как Глория себя чувствует? У нее все в порядке?

Миссис Вайн оглядела гостиную, жадно ловя любую мелочь, достойную ее внимания сплетницы, – полоску пыли на каминной полке, пятнышко на одной из фарфоровых собачек из материной коллекции, – все, позволяющее предположить, что Глория совершенно сломлена горем.

– О, вы знаете, мама вполне справляется.

Тогда Элеонора вручила мне бумажный пакет со словами:

– Я тут кое-что ей принесла. Это биодобавка, иногда я пользуюсь ею, особенно при плохой погоде. – Она одарила меня уксуснокислой улыбкой. – Судя по всему, тебе и самому не грех этим средством воспользоваться. Ты, случайно, ни с кем не дрался, не ссорился?

– Кто, я?

От изумления я даже головой потряс.

– Ну нет, конечно же нет, – произнесла Элеонора странным тоном.

Ну нет, конечно же нет. Словно я вполне мог и подражаться. Словно сыночка Глории Уинтер хоть когда-нибудь видели дерущимся. Здесь все уверены, что отлично меня знают. И

каждый считает себя авторитетом и истиной в последней инстанции. А меня немного раздражает мысль о том, что Элеонора, как и моя мать, никогда не поверит и в десятую часть того, на что я в действительности способен...

Мать появилась из кухни с чайным полотенчиком в одной руке и овощечисткой в другой.

– Ах, Элеонора, милая моя, что же ты не проходишь? – воскликнула она. – Я как раз готовила Би-Би его витаминный напиток. Выпьешь чаю?

Гостья помотала головой.

– Я просто заскочила на минутку, взглянуть, как ты тут.

– Вполне держусь, – заверила мама. – Би-Би заботится обо мне.

Ух ты! Это был удар ниже пояса. Но мама на самом деле очень мною гордится. Во рту у меня снова возник противный привкус гнилых фруктов. Гнилых фруктов, смешанных с солью, – этаким коктейль из фруктового сока и морской воды. А в наушниках Вольтер декламировал с убийственной пылкостью:

Я делаю это,
Ведь я грешен.
И поступаю так,
Потому что свободен...

Элеонора искоса на меня взглянула.

– Да, дорогая, конечно! Полагаю, он огромное для тебя утешение. – Она повернулась и посмотрела на меня уже в упор. – Не понимаю, Би-Би, как ты можешь услышать хоть слово, когда у тебя в ухе эта штуковина. Ты что, никогда ее не вынимаешь?

Если бы я мог убить ее прямо в ту минуту, ничем не рискуя, я бы тут же сломал ей шею, точно сухую ветку на скалах Блэкпула, и в душе моей ничего бы не дрогнуло, я бы даже вины не почувствовал. Но, увы, я был вынужден ей улыбаться. От этой улыбки у меня аж зубы свело. Мне пришлось вынуть из уха наушник и пообещать, что на следующей неделе я непременно возобновлю посещения семинара, раз уж там без меня так соскучились...

– Что это вы имели в виду, когда говорили о семинаре? Ты опять пропускал занятия?

– Нет, ма. Я только одно пропустил.

Смотреть ей в глаза я не решался.

– Эти занятия прежде всего приносят пользу тебе самому. Слышать больше не желаю ни о каких пропусках.

Ну конечно! Мне следовало догадаться, что рано или поздно ей непременно станет известно. С такими друзьями, как Элеонора, весь Молбри у нее как на ладони. Кроме того, я и сам с удовольствием посещаю семинары, ведь они позволяют мне распространять о себе любую дезинформацию...

– И потом, это помогает тебе справляться со стрессом.

Если бы ты только знала, мама!

– Ладно, на следующее занятие непременно пойду.

7

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 01.44, среда, 30 января

Статус: ограниченный

Настроение: творческое

Музыка: Breaking Benjamin, Breath

Итак, несчастные случаи по большей части происходят дома. Я догадываюсь, что именно несчастный случай и послужил причиной моего появления на свет; я стал одним из ее троих сыновей, родившихся в течение пяти лет. Найджел, затем Брендан, затем Бенджамин. Хотя к тому времени она уже перестала пользоваться нашими настоящими именами, я лично всегда был Би-Би.

Бенджамин. Имя еврейское. Оно означает «сын моей правой руки». Не слишком лестно, если подумать, что обычно делают мужчины с помощью правой руки. Но с другой стороны, тот, кого мы называли папой, вряд ли был настоящим или, по крайней мере, ответственным отцом. Его более-менее помнил только Найджел, да и то больше как череду смутных впечатлений: мощный голос, грубое лицо, запах пива и сигарет. А может, просто наша память вытворяет с нами шутки, самовольно заполняет лакуны всякими приятными подробностями, а неприятное оставляет где-то во тьме, отложив его, точно веретено с намотанной на него шерстью черной овцы.

Не то чтобы именно Найджел был той черной овцой – это вообще позже началось. Но ему действительно судьбой было предназначено всегда носить черное, что со временем сказалось и на его характере. Мать в то время подрабатывала тем, что наводила чистоту в домах богатых людей – вытирала пыль, пылесосила, стирала белье, гладила их одежду, мыла их тарелки и натирала полы. Время, потраченное на наш собственный быт, никак не оплачивалось, поэтому ясно, что наш дом был на втором месте. Неряхой ее, конечно, назвать было нельзя, но времени ей всегда не хватало, она вечно его экономила.

Имея троих сыновей, по возрасту очень близких друг другу, а стало быть, и невероятное количество грязной одежды – маме каждую неделю приходилось устраивать грандиозную стирку, – она решила придерживаться весьма простой системы. Чтобы различать наши вещи, она присвоила каждому определенный цвет и в соответствии с этим покупала одежду в местном магазине «ОКСФАМ»⁸. С тех пор Найджел всегда носил вещи исключительно черного цвета, даже белье у него было угольно-черным, Брендану достался коричневый, а Бенджамину...

Уверен, вы и так уже поняли.

Мать и не догадывалась, как подобное решение может повлиять на детей. Цвета играют важную роль в жизни человека, это вам любой медик подтвердит, особенно практикующий в больнице. Именно по этой причине раковое отделение там, где я работаю, выкрашено веселой светло-розовой краской, приемный покой – спокойной зеленой, а родильное отделение – пасхально-желтой.

Но моя мать никогда толком не знала, какой тайной силой обладает цвет. Для нее цвет выполнял чисто практическую задачу: так проще стирать одежду и различать ее после стирки. И она никогда не задавалась вопросом, каково это – каждый день с утра до ночи быть вынужденным носить вещи одного и того же цвета, будь то унылый коричневый, мрач-

⁸ «ОКСФАМ» – Оксфордский комитет помощи голодающим, благотворительная организация с центром в Оксфорде; занимается оказанием помощи голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий в различных странах.

ный черный или даже синий, прекрасный, как широко распахнутые детские глаза, как небо в волшебной сказке...

Хотя и сама она была... не такой, как другие матери. Если у многих наших знакомых матери, в общем, подпадали под понятие «кнут и пряник», то наша... нет, этого так просто не объяснишь.

Урожденная Глория Беверли Грин, третий ребенок в семье работницы фабрики и сталевара, провела детство все в том же Молбри, в лабиринте небольших кирпичных домов, террасами спускавшихся с холма; этот район местное население называет Красным городом. Там прямо над узкими улицами натянуты веревки, где вечно сушится чье-то белье, стены домов да и вообще любая поверхность покрыты толстым слоем копоти, а мощеные улочки ведут в никуда, потому что в итоге всегда упираются в очередной тупик, в слепую стену, изрисованную краской из пульверизатора.

Глория с ранних лет отличалась честолюбием и грезилась о дальних шатрах, о неведомых берегах и о том, как в простую рабочую девчонку влюбится миллионер и спасет ее от унылой, жалкой жизни. Моя мать до сих пор верит в истинную любовь, в возможность выиграть в Великой Лотерее, в популярные книжки из серии «Помоги себе сам», в силу собственного слова, в передовицы газет, в поддержку ласковых тетюшек и в телевизионную рекламу, когда полы в один миг становятся «не просто чистыми, а безупречно чистыми», а женщины всегда «этого достойны».

Однако Глория Грин не обладала ни развитым воображением, ни большим умом, да и закончила-то всего пять классов, зато решительности ей было не занимать. Она считала, что сможет компенсировать постигшие ее в юности неудачи с помощью весьма значительной силы воли и энергии и что непременно отыщет способ сбежать из закопченного Красного города с его скудоумными и мелочными обитателями в тот чудесный телевизионный мир, где малыши всегда счастливы, где полы всегда сияют, а несколько угаданных чисел могут навсегда изменить твою судьбу к лучшему.

Это было непросто – стойко придерживаться своей веры. Ведь, кроме Красного города, Глория ничего не видела. А город этот напоминал ловушку для крыс, которая заманивает тебя внутрь, но очень редко потом выпускает. Все подружки Глории повыходили замуж, не достигнув и двадцати, затем устроились на работу, родили детей. А она по-прежнему жила с родителями, помогала матери по хозяйству и с нетерпением ждала принца на белом коне, но он все никак не ехал.

И в итоге Глория сдалась. Крис Моксон был приятелем ее отца; у него имелась собственная забегаловка, где он торговал «фиш-энд-чипс»⁹, а проживал он на окраине Белого города. Не бог весть какая добыча – Крис был намного старше Глории, лыс и далеко не так хорош собой, как ей хотелось бы, но к ней он относился внимательно и по-доброму, а она к этому времени уже начинала предаваться отчаянию. В общем, она вышла за него, с венчанием в церкви Всех Святых, с фатой из белого тюля, с букетом из нежно-розовых гвоздик, и на какое-то время почти поверила, что ей удалось вырваться из крысоловки.

Но вскоре она обнаружила, что вокруг все по-прежнему пропитано запахом дешевого жира для жарки – ее платья, чулки и даже туфли прямо-таки провоняли этим проклятым прогорклым жиром, – и сколько бы сигарет «Мальборо» она ни выкуривала, сколько бы духов и отдушек на себя ни выливала, этот запах ее преследовал. Это был его запах, он отравлял все вокруг, и Глория поняла, что сбежать ей никуда не удалось, наоборот, она провалилась в западню еще глубже.

⁹ Рыба с картошкой во фритюре; популярное дешевое блюдо, которое покупатели часто берут с собой, и тогда оно по традиции заворачивается в газетную бумагу.

Но через год на рождественской вечеринке она познакомилась с Питером Уинтером. Он работал в местной автомастерской агентом по продаже подержанных машин и ездил на «БМВ». Весьма заманчивое сочетание для Глории Грин, которая приступила к своей первой любовной интрижке с хладнокровием профессионального игрока в покер. Конечно, ставки были высоки. Отец Глории очень уважал Криса. Но Питер Уинтер выглядел многообещающе: он был вполне платежеспособен, честолобив, невозмутим и неженат. Мало того, он поговаривал о переезде из Белого города в Деревню и как будто собирался подыскать там дом.

Глория высоко оценила перспективу, и Питер Уинтер превратился в ее личный проект. В течение следующего года она успела развестись, снова выйти замуж и впервые в жизни забеременеть. Она, конечно же, поклялась Питеру, что ребенок от него, и стала Питеру женой, несмотря на протесты родителей.

Только свадьба на этот раз была без фанфар. Родители Глории считали, что она их опозорила, и на церемонии бракосочетания, состоявшейся унылым ноябрьским днем в местном загсе, никто из них не появился. Они не отступились от своего мнения, даже когда в молодой семье все пошло наперекосяк, автомастерская разорилась и Питер начал пить; они не пожелали даже взглянуть на своего маленького внука, которого Глория назвала в честь деда.

Но выбить из колеи Глорию Грин было не так-то легко. Она устроилась на дополнительную работу по вечерам (мало того, что она чистила и мыла чужие дома), а когда снова забеременела, то почти до восьмого месяца носила специальный утягивающий пояс, скрывая округлившийся живот, чтобы ее не уволили. Когда родился второй сын, она стала брать работу на дом – стирала, гладила и чинила чужое белье, так что комнаты были вечно полны паром, запаха сырости и глажки. Мечта о собственном особняке в Деревне давно уже растаяла в голубой дали, зато в Белом городе имелись приличные школы и даже парк, где дети могли играть, а также работа – теперь Глория трудилась в маленькой местной прачечной. И ей стало казаться, что все не так уж и плохо. В новую жизнь она вступила, полная оптимизма.

Зато Питер Уинтер за два года безработицы сильно изменился. Некогда настоящий очаровашка, он растолстел, поскольку целыми днями торчал перед телевизором с сигаретой «Кэмел» в зубах, то и дело прихлебывая пиво. Глория содержала его, хотя и возмущалась этим фактом. Она и сама не заметила, как в очередной раз забеременела.

Я никогда не знал своего настоящего отца. Мать редко говорила о нем. Мне известно только, что он был красив. Я унаследовал его глаза. По-моему, мать втайне рассчитывала превратить его в «билет на выезд» из Белого города. Но у мистера Голубые Глаза имелись иные планы, и когда Глория узнала, как на самом деле обстоят дела, его корабль уже отчалил от берега и уплыл в далекие солнечные края, а она осталась переживать очередной шторм.

До сих пор загадка, как Питер все выведал. Возможно, случайно увидел их вместе. Или кто-то ему донес. А может, он просто догадался. Но Найджел помнил ту ночь, когда отец ушел из дома – во всяком случае, брат утверждал, что хорошо все помнит, хотя ему тогда было не больше пяти. Это была ночь битой посуды, страстных клятв и оскорблений; затем послышался рев отъезжающей машины, яростный хлопок дверцы, визг колес на дороге – эти звуки для меня, например, связаны исключительно с запахом свежего попкорна и залом кинотеатра, – а чуть позже на улице раздался страшный грохот, звон разбитого стекла и вой полицейских сирен...

Конечно, Найджел ничего подобного не слышал. Это мать так рассказывала свою версию о том, что случилось с Питером Уинтером. После аварии он умирал еще целых три недели и в итоге оставил свою вдову беременной. Но Глория Грин была твердым орешком. Она нашла в Белом городе няньку для сыновей и стала работать еще больше, упорно карабкаясь наверх. Когда за две недели до появления ребенка на свет она наконец подала заявление об уходе, ее хозяева выплатили ей кругленькую сумму: целых сорок два фунта. Часть

денег она потратила на стиральную машину, а остальные положила в банк под проценты. В тот год ей исполнилось всего двадцать семь лет.

По-моему, самое время было вернуться домой к родителям. У нее не осталось ни работы, ни сбережений, ни друзей. И радужные надежды на будущее тоже начинали гаснуть; теперь она весьма мало напоминала ту Глорию Грин, которая покинула Красный город во имя заветной цели. Но для нее казалось немыслимым ползти назад к родителям, потерпев столь сокрушительное поражение, да еще с тремя детьми и без мужа. И Глория осталась в Белом городе. Она присматривала за сыновьями и брала работу на дом, по-прежнему стирала, гладила, чинила и чистила, но постоянно искала возможность сбежать, хотя юность ее осталась позади, а Белый город вцепился в нее мертвой хваткой, точно утопающий в своего спасителя.

И тут Глории наконец-то улыбнулась судьба: ей выплатили страховку за Питера. Оказалось, ее муж мертвым стоил куда больше, чем живым. В кои-то веки у матери появились деньги. Небольшие, конечно, – впрочем, денег Глории никогда не хватало, – но теперь она хотя бы увидела свет в конце туннеля. И эта полоса везения как раз совпала с появлением на свет ее младшего сына, который отныне превратился для нее в некий залог удачи, в волшебный амулет, в последний шанс на выигрышный билет.

В некоторых странах считается, что голубые глаза приносят несчастье, поскольку за ними скрывает свою истинную личину дьявол. Однако если носить на шнурке в качестве талисмана «голубой глаз» – стеклянный шарик из синего стекла, – то он якобы отвращает от человека зло и грехи, рикошетом послав их тому, от кого они исходят. Также считается, что «голубой глаз» способен загнать демонов обратно в их логово, а к своему хозяину притянуть благополучие и удачу...

Мать с ее любовью к телевизионным мелодрамам верила в возможность легкого решения любой проблемы. Всякий вымысел, как известно, укладывается в рамки определенных формул. Жертва – это всегда хорошенькая девушка. А ответ на главный вопрос всегда находится прямо у тебя под носом, но ты замечаешь его лишь в самый последний, критический момент благодаря, допустим, несчастному случаю или появлению на свет младенца, и тогда все болтающиеся концы истории моментально подвязываются в чудесном празднике по случаю крестин.

В жизни все иначе. Жизнь состоит исключительно из таких вот болтающихся концов. И порою нить, которая вроде бы ведет прямо к центру лабиринта, оказывается всего лишь жалким обрывком и не приводит никуда, и ты остаешься один в темноте, испуганный, с возрастающей уверенностью в том, что настоящая жизнь течет где-то без тебя, причем совсем недалеко, стоит лишь завернуть за угол...

Ну и довольно о возможности счастья. Я подошел к нему совсем близко. Настолько, что мог бы его коснуться, прежде чем у меня его отняли. И моей вины в этом не было. Хотя мать по-прежнему обвиняет именно меня. С тех пор я все время пытаюсь стать таким, каким она хочет меня видеть, но так и не могу оправдать ее ожиданий; моих усилий вечно оказывается недостаточно, как ничего и никогда не бывает достаточно для Глории Грин...

«Ты действительно именно так себя воспринимаешь? – спрашивает Клэр из моего семинара. – А тебе не кажется, что ты и без этой рефлексии вполне хорош?»

Сука. Даже не вздумай являться со мной на занятия!

Ты далеко не первая женщина, которая пытается поймать меня с помощью вопросов. Неужели вы все убеждены, что так легко понять, где причина, а где следствие, все проанализировать и кого нужно оправдать? Неужели вы думаете, что и меня можно засунуть в один из ваших ящичков с аккуратной наклейкой, таким образом вооружившись знанием об основных моих свойствах, с помощью которых, как вам кажется, вы могли бы дорисовать и остальную часть моей души?

Нет уж, вряд ли тебе это удастся, ClairDeLune. Вам ведь, ребята, ничего обо мне толком не известно. Или вы держите меня за новичка в вашей игре? Да за последние двадцать лет я много раз имел дело с такими группами, как ваша. Присоединялся к ним, потом покидал. И между прочим, считаю, что это довольно забавное развлечение – вспоминать случаи из детства, выдумывать мечты, словом, плести различные истории...

Вот Клэр пришла к выводу, что отлично понимает человека, который скрывается за моим аватаром. Толстая Крисси, она же Chrysalisbaby, тоже так считает. А на самом деле это я знаю о них все, во всяком случае, знаю куда больше, чем им когда-либо удастся узнать обо мне; между прочим, эта информация вполне может однажды пригодиться, если мне вдруг придет в голову ею воспользоваться.

Клэр уверена, что просто пытается помочь мне своими вопросами. А на самом деле ей обо мне ничего не известно. Ее опусы, которые она зачитывает на семинаре, – это всего лишь скрытая попытка любительского психоанализа. И ее горячее восхищение в Сети всеми теми вещами, которые считаются опасными или даже достойными проклятия, свидетельствует лишь о том, что она и сама чувствует себя в чем-то уязвимой. Вероятно, это связано с ранним опытом насилия, возможно, сексуального и, возможно, со стороны кого-то из родственников. Ее заикленность на посредственном актеришке с псевдонимом Голубой Ангел, который значительно старше ее, дает основания предполагать, что у нее есть серьезные проблемы, как-то связанные с отцом, возможно, комплекс Клитемнестры. Ну, я могу ей лишь посочувствовать. Хотя это вряд ли послужит утешением преподавателю. Сочувствие, пожалуй, сделает ее слишком уязвимой. Надеюсь, что все это не закончится слезами.

А вот Толстая Крисси питает ко мне, судя по всему, чисто романтический интерес. Что ж, это, по крайней мере, вносит какое-то разнообразие в ее обычные посты, которые чаще всего состоят из перечня съеденных ею продуктов и подсчета калорий – диетич. кока: 1,5 калории; постная говядина: 90 калорий; чипсы, сыр (нежирный) около 300 калорий, – что изредка перемежается истерическими монологами о том, какая она уродина, или бесконечными описаниями тощих, хрупких девиц-готов, которых она считает недостижимым идеалом худобы.

Порой она выкладывает в Сети собственные фотографии – всегда только тела, но никогда лица, – сделанные с помощью мобильного телефона перед зеркалом в ванной комнате, и сама же побуждает других над ней насмехаться. К счастью, очень немногие в этом отношении идут у нее на поводу и потакают ей в этом самоистязании (за исключением Кэпа, который всех толстяков ненавидит); зато немало девиц ей сочувствуют и с удовольствием отправляют сладкие послания в ее поддержку: «Детка, ты все делаешь классно. Оставайся сильной!» – или непропеченные советы насчет всевозможных диет.

Благодаря этой переписке Крисси обрела почти евангелическую веру в свойства зеленого чая как средства, убыстряющего метаболизм, и в «пищу, содержащую негативные калории» (сюда, по ее мнению, можно отнести морковь, брокколи, чернику, спаржу и многие другие продукты, которые она ест крайне редко). Ее аватар – маленькая девочка из японских комиксов манга в черном и с крылышками, как у бабочки, а ее постоянный статус, одновременно и обнадеживающий, и невыразимо печальный, звучит следующим образом: «Когда-нибудь я стану легче воздуха...»

Ну что ж, может, так и случится. Надежда всегда остается. Хотя и не все физически уязвимые люди умирают худенькими. Возможно, Крисси, как и большинство толстяков, умрет от инсульта или инфаркта во время болтовни по телефону в туалете.

Одна из ее интернетовских подружек с ником azurechild постоянно настаивает на том, чтобы Крисси попробовала нечто под названием «сироп ипекакуаны». Это рвотный корень, хорошо известное средство, потенциально весьма опасное, прежде всего своими побочными эффектами. Однако от него действительно очень быстро теряешь вес. Со стороны

этой azurechild совершенно безответственно и даже преступно убеждать такого человека, как Крисси, у которой сердце и без того уже ослаблено бесконечными диетами и необходимостью обслуживать свое громоздкое тело, принимать столь опасное снадобье.

Но выбор-то все равно за ней, верно? Никто ведь не заставляет ее следовать этому совету. Мы не создаем конкретных ситуаций. Мы лишь нажимаем на клавиши. Control. Alt. Delete. И все исчезло. Просто фатальная ошибка. Несчастный случай...

Итак...

«Насколько хорошо, по-твоему, ты знаешь меня?»

Этот мем¹⁰ недели придумала Клэр, а Крисси его поддержала; Крисси вечно тянет меня за руку, точно ребенок на детской площадке, пытаюсь вовлечь в кружок своих френдов.

Клэр и Крисси, как и многие в Сети, имеют пагубную склонность к подобным вещам: ко всяким интервью в стиле вопрос – ответ, симулирующим заинтересованную переписку, или к набору конкретных вопросов, адресованных, однако, всем на свете. Вопросами типа «Опиши три факта, касающиеся тебя самого», «Что тебе снилось прошлой ночью?» они выметают Интернет дочиста, точно дворник-безумец школьный двор. Переходя от одного человека к другому, они рассеивают в основном никому не нужную информацию и очень редко – полезную. На мой взгляд, они подобны вирусам, одни из которых составляют глобальную угрозу человечеству, другие умирают, не успев появиться, а третьи так и застревают на badguysrock, где разговор о себе любимом – Я! Я! – всегда наиболее популярный способ времяпрепровождения.

Когда меня вот так непрерывно дергают за руку, я обычно поддаюсь. Не потому, что мне так уж нравится быть в центре внимания, просто мне интересно, что в подобной ситуации я могу узнать – или не узнать – о своем собеседнике. Эти вопросы, на которые следует реагировать мгновенно, предназначены для создания иллюзии интимности, а если отвечать на них как следует, то для этого порой требуется такой уровень подробностей, на какой не всегда способны даже ближайшие друзья.

Благодаря подобному способу общения я узнал, что Крисси ложится спать в розовых носочках и что у нее есть кошка Хлоя; что любимый фильм Кэпа – «Убить Билла», зато он терпеть не может «Убить Билла-2»; что Токсик обожает чернокожих девиц с пышным бюстом; что ClairDeLune любит современный джаз и у нее есть коллекция керамических лягушек.

Говорить правду вовсе не обязательно. Однако многие именно ее и говорят. Подробности чаще всего вымышленные, но вполне тривиальные, так что ложь кажется лишней, хотя по этим подробностям можно судить об общей картине, ведь это те самые мелочи, из которых и складывается жизнь...

Например, мне известен пароль в компьютере Клэр: clairlovesangel («Клэр любит Ангела»). Тот же пароль у ее почты, а это значит, что я хоть сейчас могу прочесть все ее письма. В Сети подобное проделывается легко, и кусочки случайной информации – кличка домашнего любимца, дни рождения детей, девичья фамилия матери – значительно облегчают задачу. Вооруженный вроде бы безобидными данными, я могу добраться и до более закрытых сведений. До реквизитов банковских вкладов. До номеров кредитных карт. Это как азот и глицерин. Каждое из этих веществ само по себе абсолютно безопасно, но соедините их вместе и – ба-бах!

ВОПРОСНИК ОТ CHRYSALISBABY ОТПРАВЛЕН НА
badguysrock@webjournal.com

¹⁰ Интернет-мем – информация или фраза, часто бессмысленная, спонтанно приобретшая популярность в интернет-среде путем распространения всеми возможными способами; мемами могут считаться как слова, так и изображения.

Время: 12.54, вторник, 29 января
Если бы ты был животным, то каким? Крысой.
Твой любимый запах? Бензин.
Чай или кофе? Кофе. Черный.
Твой любимый вкус мороженого? Горький шоколад.
Во что ты сейчас одет? Темно-синий топ с капюшоном, джинсы, голубые кроссовки.
Чего ты боишься? Высоты.
Какую вещь ты купил в последний раз? Музыку для айпода.
Что ты ел в последний раз? Сэндвич с поджаренным хлебом.
Твой любимый звук? Звук прибоа.
Братья-сестры? Не имеется.
В чем ты спишь? В пижаме.
Что ты считаешь самым противным? Рекламное выражение «Ведь я этого достоин».
Твоя самая плохая черта? Неискренность, манипулирование другими и лживость.
У тебя есть шрамы или татуировки? Шрам на верхней губе. И еще один на брови.
У тебя бывают повторяющиеся сны? Нет.
Где ты хотел бы очутиться прямо сейчас? На Гавайях.
У тебя в доме пожар. Что ты спасешь? Ничего. Я позволю всему сгореть.
Когда ты в последний раз плакал? Прошлой ночью... и... нет, все равно не скажу почему...

Ну вот, пожалуйста. И насколько хорошо, по-вашему, вы теперь меня знаете?

Словно можно составить представление о человеке на основе того, какой он пьет кофе и надевает ли на ночь пижаму. На самом деле я пью чай, а сплю вообще голым. Ну что, сильно это перевернуло ваше мнение обо мне? А вы почувствовали бы разницу, если б я заявил, что никогда не плачу? Что у меня было трудное детство? Что я никогда не выезжал дальше чем на сто миль от города, где родился? Что я боюсь физического насилия, что страдаю от мигреней, что ненавижу самого себя?

Некоторые или даже все из пунктов вполне могут оказаться правдивыми. Как и все они или ни один из них могут быть чистойшей фантазией. Альбертине известны кое-какие истинные факты, но она редко выступает здесь со своими комментариями, а ее блог защищен паролем, так что ее личные посты никто из посторонних прочесть не может...

А вот Крисси изучит мои ответы весьма тщательно. И составит по ним вполне определенный портрет. Моих ответов более чем достаточно, чтобы ее заинтриговать, я уже не говорю о намеке на собственную уязвимость, который, по-моему, вполне уравнивает ту завуалированную агрессию, на которую она с такой готовностью откликается.

И я действительно выступал в образе плохого парня, но, может, спасусь благодаря любви? Кто знает? В кино это случается сплошь и рядом. А Крисси живет в розовом мирке, где толстая девочка вполне может обрести истинную любовь с убийцей, который нуждается в нежности...

В реальности всего этого не существует. Все это я приберегаю для группы «литераторов». Но самому себе я гораздо больше нравлюсь именно в образе литературного героя, созданного моим воображением. И потом, кто станет утверждать, что прочитанное Крисси не есть фрагментарная часть истины? Той истины, которая, как луковица, плотно завернута

в несколько слоев шелухи, и, снимая слой за слоем, вы чувствуете, как на глазах у вас выступают слезы.

«Расскажи мне о себе», – просит она.

Вот так всегда и начинается, знаете ли, когда женщина или девушка уверена, что уж ей-то известно, как откопать в глубине моей души заветную жилку любви к матери.

Жилка любви к матери. Жила. Звучит так, словно ты совершенно измотался, таща на себе тяжелый груз из недр горы...

«Итак, давай начнем с твоей матери», – говорит она.

С моей матери? Ты уверена, что именно с этого надо начинать?

Видите, как быстро она заглотнула наживку. Ведь каждый мальчик должен любить свою мать, верно? И каждая женщина втайне понимает: единственный способ завоевать сердце мужчины – это прежде всего избавиться от его ма...

8

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Время: 18.20, среда, 30 января

Статус: публичный

Настроение: энергичное

Музыка: Electric Light Orchestra, Mr. Blue Sky

Он называет ее миссис Электрик-Блю¹¹. Или просто миссис Электрик. Ее стихия – всевозможные бытовые приборы: дверные звонки с суперсовременной мелодией; суперновые CD-проигрыватели, соковыжималки, пароварки и микроволновки. Остается лишь удивляться, что можно делать с таким количеством похожих вещей; только в гостевой комнате у нее хранится девять коробок с устаревшими моделями фенов для волос, щипцы для завивки, массажеры для ног, кухонные блендеры, электроодеяла, видеомагнитофоны, радиоприемники и радиотелефоны.

Она никогда ничего не выбрасывает, все хранит «на запчастях», как она выражается, хотя и принадлежит к тому поколению женщин, для которых техническая необразованность и неумелость считаются очаровательными признаками женственности и хрупкости, а не просто ленью ума, и он почти уверен, что починить она ничего не сумеет. По его мнению, она обыкновенный паразит, бесполезный, но умеющий манипулировать другими, так что никто по ней особенно горевать не будет, и уж меньше всего – ее родственники.

Ее голос в телефонной трубке он узнает сразу. Уже какое-то время он неполный рабочий день трудится в мастерской по ремонту электроприборов, которая находится всего в двух милях от ее дома. Мастерская довольно старомодная, теперь и вовсе пребывающая в запустении, с витриной, забитой сломанными телевизорами и пылесосами, и подоконником, усыпанным толстым серым слоем мертвых мошек, залетевших туда себе на погибель. Миссис Электрик вызывает его по мобильному телефону – в четыре часа в пятницу и никак иначе! – чтобы он позаботился о ее кладбище почивших бытовых приборов.

Ей стукнуло пятьдесят пять, но в случае необходимости она может выглядеть и значительно старше, и значительно моложе. Пепельная блондинка, зеленые глаза, красивые ноги, эмоциональная, почти девчоночья, щебечущая манера разговора, хотя ее трепетный тон вполне может в один миг стать презрительным. Кроме всего прочего, она чрезвычайно любит общество приятных молодых людей.

Приятный молодой человек. Ну что ж, это как раз он. Стройный в своем джинсовом комбинезоне, острые, несколько угловатые черты лица, каштановые волосы, пожалуй, немного длинноватые, и очень яркие глаза поразительно красивого серо-голубого оттенка. Не то чтобы красавчик с обложки глянцевого журнала, но для миссис Электрик очень даже годится – и потом, думает он, в ее-то годы нечего привередничать.

Тут же она сообщает, что разведена. Затем приносит ему чашку чая «Эрл грей» и начинает жаловаться на дороговизну и тяжело вздыхать по поводу своего одиночества, а также грубости и равнодушия сына, который работает где-то в Лондоне, прямо в Сити. И вскоре, словно даруя ему неслыханную привилегию, предлагает купить у нее всю «коллекцию».

Но это барахло совершенно бесполезно. Такой вердикт он и выносит, хотя старается выбирать более мягкие, щадящие выражения, и растолковывает, что старые электротовары годятся только для свалки, поскольку большая их часть попросту не соответствует совре-

¹¹ Blue (англ.) – синий, голубой.

менным стандартам безопасности. Хозяин мастерской, добавляет он, попросту его убьет, если он заплатит за все это хотя бы десять фунтов.

– И правда, миссис Э., – говорит он, – единственное, чем я могу вам помочь, это вынести вещи на помойку. Хотя тогда вам, конечно, придется объясняться с городским советом. Но у меня есть микроавтобус, и я мог бы...

– Нет, спасибо, – сухо прерывает она, взглянув на него с презрением.

– Я только хотел помочь, – замечает он.

– Ну, если вы действительно хотите помочь, молодой человек, – голос у нее ледяной и какой-то ломкий, как от мороза, – то не могли бы вы взглянуть на мою стиральную машину? По-моему, она сломалась, вот уже неделю не спускает воду...

– Но это не мои обязанности, – возражает он.

– Уж такую-то малость вы могли бы для меня сделать, – заявляет она по-прежнему ледяным тоном.

И он, конечно, сдается. Она прекрасно знает, что победа будет за ней. В ее голосе еще звучат прежняя надменность и авторитарность, но теперь в нем слышится и уязвимость, даже беспомощность... Нет, он не в силах ей сопротивляться.

Всего-навсего соскочил приводной ремень. Он раскручивает болты на барабане, ставит ремень на место, вытирает руки о комбинезон и в дверном зеркале видит, как внимательно она за ним наблюдает.

Когда-то она наверняка была очень даже ничего. Хотя и теперь, пожалуй, можно сказать: она хорошо сохранилась – этим выражением иногда пользуется его мать, что наводит его на мысль о сосудах с формальдегидом и египетских мумиях. И теперь, понимая, что миссис Электрик следит за ним со странным выражением собственницы, он прямо-таки чувствует, как ее глаза, точно железные штыри, пронзают ему поясницу и ягодицы – о, этот оценивающий взгляд, одновременно и небрежный, и плотоядный.

– Вы ведь, наверно, меня не помните? – спрашивает он, оборачиваясь и глядя ей прямо в глаза.

Она молча одаривает его недоумевающим, высокомерным взором.

– Когда-то моя мать убиралась у вас в доме.

– Вот как?

Это произнесено так, словно ему должно быть ясно: она попросту не в состоянии помнить всех, кто когда-то на нее работал. Но видимо, ей все-таки что-то такое вспоминается, она чуть прищуривается, а ее брови, сначала дочиستا выщипанные, а затем нарисованные коричневым карандашом на полдюйма выше своего естественного местонахождения, нервно изгибаются, словно от огорчения.

– Иногда она приводила меня с собой.

– Боже мой. – Миссис Электрик уставилась на него, не мигая. – Голубоглазый?

Ну теперь-то, конечно, он попал прямо в цель. Она больше никогда на него не посмотрит; во всяком случае, так не посмотрит. Ее томный взгляд стекает по его спине вниз, измеряя расстояние от ямки у него под затылком до копчика, отмечает упругую округлость его ягодиц под синими вылинявшими рабочими штанами. Теперь она, пожалуй, уже способна его увидеть – четырехлетним малышом со светлыми, еще не успевшими потемнеть волосами. Внезапно груз лет обрушивается на нее с новой силой, становится тяжелым, как зимнее пальто, насквозь промокшее под дождем, и вот она уже выглядит старой, ужасно старой...

Он усмехается и сообщает:

– Вроде все починил.

– Я, конечно, заплачу, – откликается она слишком поспешно, явно желая скрыть растерянность.

Неужели она решила, что он работает бесплатно? Неужели считает, что если заплатит ему, то из-за такого великодушия он вечно будет чувствовать себя должником?

Впрочем, они оба отлично понимают, за что она платит. Это ее вина – возможно, довольно простая, но уж никак не чистая, вина вечная, неутрачивающая, горько-сладкая вина.

«Бедная старая миссис Электрик», – думает он.

Вежливо поблагодарив ее, он принимает из ее рук еще одну чашечку едва теплого чая с каким-то подозрительным привкусом и наконец уходит, ни минуты не сомневаясь, что в ближайшие дни и недели будет видаться с миссис Электрик гораздо чаще.

Каждый из нас в чем-то виноват. И отнюдь не всех надо карать за это. Но порой карма, завершив круг, возвращается домой, и тогда Господу требуется помощь и приложение человеческих рук. И вообще, это не его вина. После того визита она звонила ему десятки раз – вкрутить пробку, поменять выключатель, сменить батарейки в фотоаппарате, а совсем недавно потребовала подключить новый компьютер (одному богу известно, зачем он ей понадобился, она же умрет через пару недель!). И все это срочные вызовы, которые мешают его работе и, в свою очередь, лишь подогревают его решение устранить ее, стереть с лица земли.

Ничего личного, как говорится. Просто некоторые люди заслуживают смерти – из-за совершенных прегрешений, или злодеяния, или преступления, или, как это было в данном случае, из-за того, что она назвала его Голубоглазым...

Несчастные случаи по большей части происходят дома. Несчастный случай довольно легко устроить, и все же Голубоглазый отчего-то колеблется. Не потому, что боится – хотя да, боится, и очень сильно, – но скорее потому, что ему хочется понаблюдать. Сначала его привлекла задумка спрятать поблизости от места преступления видеокамеру, но столь тщеславное желание вряд ли удалось бы осуществить, так что эту идею он отверг (хоть и не без сожалений) и стал вырабатывать более разумный способ действий. Он еще очень молод. И верит в поэтическую справедливость. Он хочет превратить ее смерть в символ, во что-нибудь, связанное с электричеством; это может быть, например, короткое замыкание из-за неисправного пылесоса или одного из вибраторов (два из них скромного телесного цвета, а третий тревожно-пурпурный), которые она держит в ванной среди многочисленных бутылок с лосьонами и склянок с таблетками.

На какое-то время подобный план представляется ему весьма соблазнительным. Но он знает: слишком хитроумные планы редко бывают удачными, так что решительно отмечает заманчивую мысль отправить миссис Электрик в могилу с помощью одного из ее эротических устройств. И уже в свой следующий визит к ней старается подготовить все необходимое для не слишком сильного, но вполне достаточного пожара, вызванного замыканием электропроводки. Он возвращается домой вовремя, спокойно перекусывает перед телевизором, а тем временем где-то на другой улице миссис Электрик готовится лечь спать (может, со своим пурпурным приятелем, а может, и без него) и затем, глубокой ночью, умирает, скорее всего, отравившись продуктами горения, хотя на это можно только надеяться...

Из полиции приезжают уже на следующий день. Он рассказывает, как старался помочь, как предупреждал, что дом буквально забит всевозможными устаревшими приборами, которые только и ждут возможности стать причиной несчастного случая, как миссис Электрик вечно перегружала розетки, включая одновременно несколько устройств, как легко все это могло вызвать скачок напряжения...

По его мнению, копы просто смешны. Ведь его причастность совершенно очевидна, а они этого не видят; они спокойно сидят на их диване, пьют чай, приготовленный его матерью, и беседуют с ним так мило, словно опасаются обидеть, а мать с подозрением следит

за ними, готовая опровергнуть любой намек на то, что он может быть причастен к этому пожару.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что это его вина? Мальчик так много работает. Он такой хороший сын.

Он даже ладонью прикрывается, пряча улыбку. Вообще-то он дрожит от страха, но в данный момент ему дико хочется расхохотаться им в лицо; приходится изобразить небольшой приступ панического ужаса, пока никто не догадался, что этот бледный молодой человек с невинными голубыми глазами на самом деле готов лопнуть от смеха...

Позже он совершенно точно воспроизводил в памяти те мгновения. И тот оглушительный восторг, отчасти схожий с оргазмом, обрушившийся на него божьей милостью. Все цвета вокруг стали более яркими, пространство невероятно расширилось, слова приобрели новые, головокружительные оттенки, а запахи стали поистине колдовскими. И от всего этого его вдруг охватила дрожь, он был не в силах сдержать рыдания, а мир вдруг словно раздулся пузырярем, как краска, и лопнул, обнажая свет вечности...

Женщина-полицейский (в паре полицейских всегда одна женщина) протягивает ему носовой платок. Он тщательно вытирает лицо и выглядит испуганным и виноватым, но внутри все еще смеется, смеется до слез, и эта женщина – ей двадцать четыре года, и она, возможно, даже окажется хорошенькой, если снимет форму, – принимает его слезы за признак душевной боли и искреннего огорчения; она даже руку ему на плечо кладет, испытывая при этом странные, почти материнские чувства...

Все хорошо, сынок. Ты ни в чем не виноват.

Вдруг из глубины горла возвращается тот зловещий привкус, который у него неизменно ассоциируется с детством, с гнилыми фруктами, с бензином и тошнотворным запахом жевательной резинки – запахом сладкой синтетической розы. Этот вкус словно обволакивает его изнутри, а потом отступает и уплывает, как плотное облако, оставляя после себя синеву неба, и он думает...

Ну наконец-то! Вот я и стал убийцей.

КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Chrysalisbaby: Блеск! Голубоглазый жжет!

Captainbunnykiller: Миссис Электрик удовлетворяет себя в могиле...

Ну, чувак! За такую сцену я бы даже заплатил. Может, напишешь? Как насчет этого?

Jesusismycopilot: ТЫ ПРОСТО БОЛЬНОЙ! НАДЕЮСЬ, ТЫ И САМ ЭТО ПОНИМАЕШЬ!

blueeyedboy: Я в курсе насчет своего здоровья, спасибо за внимание.

Chrysalisbaby: ну мне до лампочки думаю это круто

Captainbunnykiller: Эй, чувак, не обращай на этого тролля внимания!

Этот говнюк не способен отличить реал от клевого вымысла, даже если тот подпрыгнет и клюнет его в задницу.

Jesusismycopilot: ТЫ БОЛЬНОЙ, И ТЕБЯ ЖДЕТ СУД.

JennyTricks: (сообщение удалено).

ClairDeLune: Если кого-то подобные истории огорчают, то не стоит заходить на этот сайт и читать их. Спасибо, *blueeyedboy*, что поделился с нами. Я представляю, как это, должно быть, трудно – выразить словами столь мрачные ощущения. Но получилось превосходно. Очень надеюсь, что будет опубликовано и продолжение истории.

9

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 23.25, среда, 30 января.

Статус: ограниченный

Настроение: без раскаяния

Музыка: Kansas, Carry on, Wayward Son

Нет, я не принимаю это близко к сердцу. Не каждому дано правильно оценить хороший кусок художественной прозы. По мнению многих, я болен, развращен, заслуживаю того, чтобы меня заперли в сумасшедшем доме, изолировали от общества, избили до полусмерти или даже убили.

Тут у нас каждый критик. Меня постоянно обещают уничтожить. Угрозы по большей части поступают от этих напыщенных «истинно верующих»: от Jesusismyscopilot со товарищи. Они всегда пишут прописными буквами, используя минимальное количество синтаксических знаков, если не считать целого леса восклицательных, которые высятся над основным текстом, точно копыя вражеского племени. Они твердят мне: «ТЫ БОЛЬНОЙ!» или «БЛИЗОК СУДНЫЙ ДЕНЬ, а это означает, что Искренне Ваш «СГОРИТ В АДУ (!!!) ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ УРОДАМИ И ПЕДОФИЛАМИ!»

Вот спасибо! Впрочем, тупиц везде хватает. Одна моя новая интернет-подружка, JennyTricks, стала регулярно посещать мой сайт и комментировать все мои вымышленные посты со все возрастающей яростью. Свой убогий стиль она компенсирует за счет язвительности, а также использует все на свете бранные слова и обещает мне адские муки, если ей когда-нибудь удастся до меня добраться. В этом я, впрочем, весьма сомневаюсь. Сеть – местечко безопасное, закрытое, как исповедальня. И о себе я никогда не сообщаю никаких подробностей. А их злоба меня даже бодрит, вызывая нечто вроде легкого опьянения. Бить камнями и палками, чувак, палками и камнями.

А если серьезно, аплодисменты я обожаю. Даже злобному шипению радуюсь. Уметь спровоцировать людей на столь бурные эмоции с помощью всего лишь слов – безусловно, величайшая победа. Для этого и предназначена моя художественная проза. Она должна возбуждать, подстрекать, давать мне возможность видеть, какую реакцию я вызываю. Любовь и ненависть, одобрение и презрение, осуждение, гнев, отчаяние. Если я могу заставить вас наносить удары невидимому врагу, или почувствовать недомогание, или заплакать, или причинить мне – а может, кому-то другому – ущерб, разве это не великая привилегия, мне дарованная? Проникнуть в чужую душу, заставить другого человека делать то, что я хочу...

Разве это не плата за все?

Итак, хорошие новости – если не считать прекращения моей головной боли – заключаются в том, что теперь у меня гораздо больше времени на занятия, которые доставляют мне удовольствие. Одно из преимуществ потери работы – появление свободного времени, когда ты можешь следовать исключительно своим интересам, как в реальной жизни, так и в виртуальной. В общем, славно, когда хватает времени остановиться и понюхать розы, как говорит моя мать.

Потеря работы? Да, недавно меня постигла такая неприятность. Матери, конечно, об этом неизвестно, она считает, что я по-прежнему тружусь в больнице Молбри; подробности моей деятельности ей неясны, но вполне правдоподобны, во всяком случае, мать они устраивают; школу она так и не закончила, и ее познания в медицине ограничиваются тем, что она почерпнула в «Ридерз дайджест» или в телевизионных сериалах про больницу, которые она смотрит днем.

И потом, я ведь и правда работал в больнице около двадцати лет, хотя мама никогда не вдавалась в подробности, чем я там занимаюсь. Какие-то технические операции – и это тоже отчасти правда – в таком месте, где описание обязанностей почти каждого сотрудника включает либо слово «оператор», либо слово «техник». До недавнего времени я как раз и являлся одним из членов команды сантехников; мы работали в две смены и отвечали за такие жизненно важные вещи, как подметание и мытье полов шваброй, дезинфекция помещений, выкатывание во двор мусорных баков и поддержание в относительно приличном состоянии публичных мест: туалетов, кухонь и т. п.

В общем, я попросту служил уборщиком.

Моя вторая и куда более опасная работа – опять же имевшаяся у меня до недавнего времени – состояла в том, что я ухаживал за одним пожилым человеком, прикованным к инвалидному креслу; я готовил еду, убирал в доме, довольно много читал ему вслух, ставил по его просьбе старинные виниловые пластинки, жутко исцарапанные, или слушал истории, которые давно уже выучил наизусть, а после этого отправлялся искать ее, ту девушку в ярко-красном пальтишке из бобрика...

Теперь же у меня куда больше времени, а вероятность быть пойманным на месте преступления куда меньше. Мой ежедневный распорядок ничуть не изменился. Утром я встаю как обычно, одеваюсь, как на работу, занимаюсь орхидеями, оставляю машину на больничной парковке, беру лэптоп и портфель, а потом весь день торчу в разных интернет-кафе, ничего не делаю, только переписываюсь со своими френдами или придумываю всякие истории и размещаю их на badguysrock, подальше от подозрительных глаз моей матери. После четырех я часто захожу в кафе «Розовая зебра», где возможность налететь на мамочку или ее приятельниц крайне мала и где предлагается доступ к Интернету по цене бездонного чайника с чаем.

Если бы у меня была возможность выбирать, я бы, пожалуй, предпочел нечто менее божественное. На мой вкус, «Розовая зебра» – местечко слишком неформальное. Все эти широкие чайные чашки на американский лад, словно разинутые рты, столики с пластмассовыми столешницами, написанный мелом на доске список дежурных блюд, вечный гам большого числа посетителей. Да и само название... Слово «розовый» обладает на редкость противным запахом, едким, возвращающим меня в детство, к нашему семейному дантисту мистеру Пинку¹², в его старомодный кабинет, где витал сладостно-тошнотворный запах газа, применяемого для анестезии. Но она это кафе любит. Так и должно быть. Она – та девушка в ярко-красном пальтишке. Ей нравится хранить анонимность среди постоянных и довольно шумных посетителей. Конечно, это всего лишь иллюзия, которую я с удовольствием дарю ей до поры до времени; еще одна последняя любезность с моей стороны, впрочем, ею не признанная.

Я пытаюсь найти столик поближе к ней. Пью чай «Эрл грей» без лимона и без молока. Именно так пил мой старый наставник, доктор Пикок¹³, и я тоже пристрастился к этому напитку, не совсем обычному для такого заведения, как «Розовая зебра», где подают местное морковное печенье и мексиканский горячий шоколад со специями, где тусуются байкеры, готы и многочисленные любители пирсинга.

Бетан, владелица кафе, гневно на меня поглядывает. Возможно, дело в выборе напитка или в том, что я в костюме и галстук, а потому квалифицируюсь как Большой Босс, или, может, сегодня всему виной моя физиономия: неровный след от шва на скуле, шрамы на брови и на губе.

¹² Pink (англ.) – розовый.

¹³ Peacock (англ.) – павлин.

Мне понятны ее мысли: такому, как я, здесь не место. Она чувствует во мне предвестника близкой беды, но ничего определенного сказать не может. Выгляжу я в высшей степени опрятно, веду себя тихо и всегда оставляю чаевые. Однако что-то во мне тревожит ее, заставляет думать, что лучше бы я не появлялся в ее кафе.

– «Эрл грей», пожалуйста. Без лимона и без молока.

– Через пять минут, о'кей?

Бетан знает своих посетителей. У всех постоянных есть прозвища, очень похожие на ники моих интернетовских френдов: Chocolate Girl, Vegan Guy, Saxophone Man и тому подобное. Я, однако, всего лишь Okay. Уверен, что куда больше пришелся бы ей по душе, если б она и меня могла вставить в этот список, например, под ником Yurpie Guy или Earl Grey Dude, когда ей точно было бы известно, чего от меня ожидать.

Но иногда я ввожу ее в заблуждение: то вдруг приду в джинсах, то закажу вместо чая кофе (который ненавижу), то пару недель назад потребовал сразу шесть кусков пирога и съел их один за другим под ее изумленным взглядом. Ей явно до смерти хотелось как-то это прокомментировать, но она не осмелилась. В общем, она относится ко мне с подозрением. Еще бы – человек, который съедает шесть кусков пирога зараз, способен на что угодно.

Но не стоит судить по внешнему виду. Бетан, кстати, и сама выглядит необычно – с изумрудной булавкой в брови и россыпью вытатуированных звезд на худющих руках. Застенчивая, обидчивая девочка, компенсирующая эти качества скрытой агрессивностью по отношению к любому, кто косо на нее посмотрит.

И все же именно Бетан я обязан большей частью полученной информации. В кафе она примечает все на свете. Со мной общается крайне редко, но мне удастся подслушать ее болтовню с другими посетителями. С такими, как я, она ведет себя очень осторожно, а с постоянными клиентами – весела и открыта. Благодаря Бетан можно собрать сведения о ком угодно. Я, например, знаю, что девушка в красном пальто предпочитает не чай, а горячий шоколад и больше любит не морковное печенье, а тарталетки с патокой, что ей куда больше нравятся «The Beatles», чем «The Rolling Stones», что в субботу в 11.30 она пойдет на похороны в крематорий Молбри.

В субботу. Да, я тоже там буду. По крайней мере, увижу ее вне стен этого проклятого кафе. Возможно – только возможно, – она должна быть мне за это благодарна. Под занавес, как говорится. Конец этому параду лжи.

Лжи? Да, все лгут. Я лгал с тех пор, как помню себя. Это единственное, что я делаю хорошо. По-моему, нам пора сыграть в полную силу, не так ли? В конце концов, что такое писатель, сочинитель художественной прозы, как не дипломированный лжец? Вы никогда не догадаетесь, читая мои опусы, что я прост, как ванильное мороженое. Во всяком случае, снаружи; внутри – другое дело. Но разве мы, все мы, в душе не убийцы, выстукивающие с помощью азбуки Морзе тайны исповеди?

Клэр считает, что мне следовало бы поговорить с той девушкой по душам.

«А ты пытался поделиться с ней своими чувствами?» – спрашивает она в последнем письме. Клэр знает только то, о чем я позволяю ей узнать, например, что в последнее время я прямо-таки одержим одной девушкой, с которой почти не общался. Но возможно, Клэр чувствует меня гораздо лучше, чем думает, – точнее, она лучше чувствует и понимает не меня, а Голубоглазого, чья платоническая любовь к безымянной девушке откликается в ее душе эхом неизбывной страсти к Голубому Ангелу.

Совет Кэпа куда грубее. «Да трахни ты ее, и делу конец, – советует он тоном уставшего от жизни человека, тщетно пытаюсь скрыть собственную неопытность. – Как только пройдет ощущение новизны, ты сразу поймешь, что она точно такая же сука, как и все остальные, и сможешь наконец вернуться к тому, что действительно для тебя важно...»

Токсик соглашается с Кэпом и просит меня описывать в блоге всякие интимные подробности. «Чем грязнее, тем лучше. Кстати, какой у нее размер лифчика?»

Альбертина мои опусы комментирует редко. Но я чувствую ее неодобрение. А вот Chrysalisbaby откликается моментально; она считает, что я безнадежно влюблен. «Даже плохому парню нужно кого-то любить, – пишет она с неуклюжей искренностью. – А ты достоин любви, Голубоглазый, правда достоин». Себя она пока не предлагает, но мне кажется, за ее словами таится страстное желание. К тому же она ясно намекает, что любая девушка была бы счастлива завоевать любовь такого, как я.

Бедная Крисси. Да, она действительно толстая. Но у нее очень красивые волосы и хорошенькое личико, к тому же мне удалось убедить ее, что я предпочитаю пышечек.

Проблема в том, что я слишком хорошо играю свою роль. И теперь она желает увидеть в Сети мое фото. В течение двух последних недель мы непрерывно общались с ней через веб-журнал, и я получил от нее немало посланий личного характера, в том числе и фотографии.

«Почему я не могу тебя увидеть?» – пишет она.

«Об этом и речи быть не может», – отвечаю я.

«Почему? Ты безобразен?»

«Да. Весь изуродован. Сломанный нос, под глазом синяк, по всему телу порезы и шрамы. Словно я выдержал двадцать раундов с Майком Тайсоном. Поверь, Крисси, ты сразу сбежишь от меня далеко-далеко».

«Правда? А что случилось?»

«Кое-кто настроен против меня».

«:-o!!! Ты кого-то ограбил?»

«Ну, можно сказать и так».

«!!! Да? О черт, детка, мне так хочется тебя обнять».

«Спасибо, Крисси. Это очень мило с твоей стороны».

«Тебе было больно?»

Ах, моя дорогая Крисси! Я прямо-таки ощущаю, как от тебя исходит сочувствие. Крисси обожает с кем-нибудь нянчиться, и мне приятно подпитывать ее иллюзии. Она не то чтобы влюблена в меня – нет, пока еще нет, – но особых усилий для этого не потребуется. Я понимаю, что поступаю отчасти жестоко. Но разве не так поступают плохие парни? И потом, она сама виновата. А я лишь даю ход ее фантазиям. Она – несчастный случай во плоти, который только и ждет возможности произойти, и в этом вряд ли обвинят меня.

«Детка, расскажи мне, что произошло», – просит она, и сегодня я, возможно, все-таки над ней подшучу. Дам чуть-чуть, а получу сполна. Разве не выгодная сделка?

Ну что же, детка, хорошо... Как пожелаешь. Посмотрим, понравится ли тебе такая сказочка.

10

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Время: 14.35, вторник, 31 января

Статус: публичный

Настроение: влюбленное

Музыка: Green Day, Letterbomb

Голубоглазый влюбился. Что? Вы считаете, убийца не способен влюбиться? Он знает ее с незапамятных времен, однако она никогда не видела его, ни разу! С тем же успехом он мог бы быть невидимкой. Но он-то видит ее, видит ее волосы, ее губы, ее маленькое бледное личико с прямыми темными бровями, ее ярко-красное пальто, которое в утреннем тумане напоминает одеяние сказочного персонажа.

Красный не ее цвет, но ей это вряд ли известно. Как неизвестно и то, что он обожает наблюдать за ней в объектив фотоаппарата, замечает каждую деталь ее одежды, любитесь тем, как ветер играет ее волосами, ее ровной походкой, когда она как бы отмечает свой путь легкими, почти незаметными глазу прикосновениями – чуть дотронулась пальцами до стены дома, мазнула ладонью по зеленой изгороди, а вот остановилась возле деревенской пекарни и повернулась к ней, вдыхая вкусный запах.

Нет, он, безусловно, не вуайерист. Он поступает так из чувства самосохранения. А уж этот его инстинкт отточен настолько, что он способен уловить опасность даже в ней, даже в ее милом лице. Возможно, именно за эту скрытую опасность он и любит ее. Его приятно возбуждает тот факт, что он ступил на опасную тропу. Тот факт, что каждая украденная фотообъективом ласка таит для него смерть.

А возможно, его возбуждает совсем иное – то, что она принадлежит другому.

Прежде он никогда не влюблялся. И его немного пугает сила нахлынувшего чувства. И то, как эта девушка вторгается в его мысли, и то, как он пальцем невольно выводит ее имя, и то, что он почему-то постоянно о ней вспоминает...

Его поведение изменилось. Он стал противоречивым, более восприимчивым к одному, менее – к другому. Он старается все делать правильно, но, делая все правильно, думает только о себе. Ему хочется ее видеть, но когда он видит ее, то неизменно спасается бегством. Он надеется, что это продлится вечно, но в то же время страстно мечтает, чтобы все поскорее закончилось.

Увеличив фокусное расстояние, он настолько приближает к себе ее лицо, что оно приобретает почти чудовищные пропорции. Теперь она одноглазка, и ее единственный глаз – это смесь голубых и золотистых оттенков; этот глаз устремлен сквозь стекло объектива прямо на него, но не видит его, в точности как орхидея в оранжерее...

Поскольку он смотрит на нее с любовью, она всегда предстает в синем цвете. В различных его оттенках. Синем, как синяк, серо-голубом, как крыло бабочки, кобальтовом, сапфировом, голубом, как вечные снега на горных вершинах. Синий – цвет тайной части его души, цвет смерти.

Его брат, который носил черное, знал бы, что сказать. А Голубоглазому слов не хватает. Но в мечтах он танцует с ней под звездами – он, как обычно, в синем, она в бальном платье из небесно-голубого шелка. И никакие слова ему не нужны; он вдыхает аромат ее волос, почти физически ощущает прикосновение ее нежной кожи...

Вдруг раздается резкий стук в дверь. Голубоглазый виновато вздрагивает и сердится на себя: с какой стати он так реагирует? Ведь он у себя дома, никому не мешает, никому ничем не вредит – с чего бы ему чувствовать себя виноватым?

Он откладывает фотоаппарат в сторону. В дверь снова стучат, на этот раз более настойчиво. И весьма нетерпеливо.

– Кто там? – спрашивает Голубоглазый.

Из-за двери доносится отнюдь не самый желанный, но хорошо знакомый голос:

– Открой!

– Чего тебе надо? – уточняет Голубоглазый.

– Поговорить с тобой, маленький говнюк.

Давайте назовем его мистер Темно-Синий. Он значительно крупнее Голубоглазого и злобен, точно взбесившийся пес. Сегодня он особенно свиреп, таким Голубоглазый его еще не видел. Он упорно барабанит в дверь, требуя его впустить, и, едва Голубоглазый отпирает спасительный замок, вламывается внутрь и с порога наносит нашему герою сокрушительный удар кулаком в лицо.

Не удержавшись на ногах, Голубоглазый отлетает и врезается в стол. Стоявшие на столе безделушки и цветочная ваза вдребезги разбиваются о стену, а Голубоглазый сползает на пол у нижней ступеньки лестницы. Темно-Синий настигает его, садится на него верхом, изо всех сил молотит его кулаками и орет:

– Твою мать! Держись от нее подальше, жалкий извращенец!

Наш герой даже не пытается сопротивляться, понимая, что это бесполезно. Он просто сворачивается на полу клубком, точно краб-отшельник в своей раковине, пытаясь руками прикрыть лицо и плача от страха и ненависти. А его враг наносит удар за ударом – по ребрам, по спине, по плечам...

– Ясно тебе? – негодует Темно-Синий, замолкая на минутку, чтобы перевести дыхание.

– Но я же ничего не сделал! Я и парой фраз с ней не обмолвился...

– Не притворяйся! – гневно прерывает его Темно-Синий. – Я прекрасно знаю, что ты пытался сделать. Кстати, как ты собирался поступить с этими фотографиями?

– С какими ф-фотографиями? – не понимает Голубоглазый.

– Даже не пытайся мне врать! – Темно-Синий вытаскивает из внутреннего кармана пачку снимков. – Вот эти фотки ты отщелкал и проявил прямо здесь, в своей мастерской...

– Откуда ты взял их? – удивляется Голубоглазый.

Темно-Синий наносит ему очередной удар кулаком.

– Совершенно неважно откуда. Но если ты еще хоть раз окажешься поблизости от нее, если заговоришь с ней или напишешь ей – да, черт возьми, если ты хотя бы на нее помотришь! – я заставлю тебя пожалеть о том, что ты появился на свет. Учти, это последнее предупреждение...

– Пожалуйста, не надо! – хнычет наш герой, вскинув руки и пытаясь заслониться от новой атаки.

– Я слов на ветер не бросаю. Убью гада...

«Если я первым тебя не убью», – думает Голубоглазый и не успевает предпринять никаких защитных мер. Ненавистный запах гниющих фруктов комом встает в глотке, заполняя все его существо оранжерейной вонью; страшная боль копьем пронзает голову; у него такое чувство, будто он умирает.

– Пожалуйста...

– Ты, главное, не ври мне. И держись от меня подальше.

– Не буду я врать, – задыхаясь, отвечает Голубоглазый, ощущая во рту вкус крови и слез.

– Да уж, не стоит, – ворчит Темно-Синий.

Голубоглазый лежит на ковре, голова кружится; он слышит, как хлопнула входная дверь, и осторожно приоткрывает глаза. Темно-Синий исчез. Но встать Голубоглазый боится, он выжидает, пока не убеждается, что рев машины непрошеного гостя затих вдали. Лишь после этого он медленно, осторожно поднимается и бредет в ванную комнату изучить полученный ущерб.

Ничего себе! Нет, черт возьми, каково?!

Бедный Голубоглазый! Нос сломан, губа рассечена, глаза заплаыли так, что их почти не видно. Спереди на рубашке кровь, из носа кровь все еще капает. Ему очень больно, но стыд куда хуже боли; а еще хуже то, что он ни в чем не виноват. В данном случае он действительно абсолютно невиновен.

«Как странно, – размышляет он, – я совершил столько грехов, но мне удавалось избежать наказания, а в этот раз, когда я ничего плохого не сделал, на меня почему-то обрушилось наказание. Это карма. Кар-ма».

Он смотрит на свое отражение в зеркале, долго смотрит. И, разглядывая себя, испытывает полнейшее спокойствие – он кажется себе актером на маленьком экране телевизора. Он прикасается к отражению и эхом чувствует боль в реальных ссадинах и ранах. Тем не менее он странно далек от человека в зеркале, словно там – лишь реконструкция давних событий, нечто, произошедшее с кем-то иным много лет назад.

«Ей-богу, Би-Би, я убью тебя...»

«Если я первым тебя не убью», – думает он.

Разве это так уж невероятно? Демоны для того и созданы, чтобы над ними одерживать победу. Но возможно, не с помощью брутальности, а благодаря уму и хитрости. И он уже чувствует, как зарождается в его душе червячок очередного плана. И снова изучает отражение в зеркале, и распрямляет плечи, и вытирает с губ кровь, и начинает наконец улыбаться.

«Если я первым тебя не убью...»

Почему бы и нет?

В конце концов, он ведь уже делал это раньше.

КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Chrysalisbaby: круто вау это все правда?

blueeyedboy: Такая же правда, как все, что я пишу...

Chrysalisbaby: ух ты бедный Голубоглазый я так хочу крепко-крепко тебя обнять

Jesusismycopilot: ОТМОРОЗОК ТЫ ЗАСЛУЖИВАЕШЬ СМЕРТИ

Toxic69: Да ладно, парень. Разве не все мы этого заслуживаем?

ClairDeLune: Просто фантастика, Голубоглазый! Кажется, ты наконец-то обретаешь способность обуздывать свой гнев. Нам следует обсудить это более подробно, тебе не кажется?

Captainbunnykiller: Клево, чувак! Пряма за душу берет! Не могу дождаться продолжения. Хочется узнать, как ты отплатишь ему.

JennyTricks (сообщение удалено).

JennyTricks (сообщение удалено).

JennyTricks (сообщение удалено).

blueeyedboy: А ты настойчива, JennyTricks. Скажи: мы знакомы?

11

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 01.37, пятница, 1 февраля

Статус: ограниченный

Настроение: меланхоличное

Музыка: Voltaire, Born Bad

Ну нет. Это было не совсем так. Но все же довольно близко к правде. Правда – это маленький злобный зверек, который зубами и когтями прокладывает себе путь к свету, понимая, что если он хочет родиться, что-то другое или кто-то другой должны умереть.

Знаете, а ведь я начинал свою жизнь как один из братьев-близнецов. Тот, второй, – если бы он выжил, мама назвала бы его Малкольмом – умер в утробе на девятнадцатой неделе беременности.

Такова официальная версия. Когда мне было лет шесть, мать рассказывала, что я своего братца проглотил еще там, в ее животике, скорее всего, между двенадцатой и тринадцатой неделями внутриутробного развития, осуществляя борьбу за жизненное пространство. Это, кстати, случается гораздо чаще, чем вы думаете. Два тела, имея одну общую душу, плавают в одной среде и борются за право на существование...

Мать сохранила память о нем как о живом в виде украшения на каминной полке – фигурки спящей собаки с его инициалами. В детстве я разбил такую же фарфоровую собачку и солгал в попытке самозащиты, за что и был высечен куском электрического провода. А потом мне сообщили, что я плохой от рождения, что я родился убийцей, что я стал убийцей еще в эмбриональном состоянии, что жизнью я обязан им обоим, что я непременно должен стать хорошим мальчиком и как подобает распорядиться той жизнью, которую украл у своего брата...

Хотя втайне мать гордилась мной. Тот факт, что якобы я проглотил своего брата-близнеца ради выживания, заставлял ее верить в мою силу. Мама презирала слабость. Твердая, как закаленная сталь, она не смирилась бы с тем, что ее сын – законченный лузер. «Жизнь такова, какой ты ее делаешь», – повторяла она. – Если не желаешь драться, значит, заслужишь смерти».

Позднее мне часто снилось, что Малкольм – это имя является мне в тошнотворных оттенках зеленого – выиграл схватку и занял мое место. Даже сейчас тот жуткий сон иногда приходит ко мне: бок о бок два крошечных прожорливых головастика, две пираньи, два сердца в одном кровавом сосуде с химическим раствором, шумно протестующие против того, чтобы биться в унисон. И меня терзает мысль: если бы не я, а этот Малкольм остался жив, занял бы он мое место? Стал бы он Голубоглазым?

Или у него был бы собственный цвет? Зеленый, например, который, по-моему, больше подходит к его имени. Я пытаюсь представить себе его гардероб в зеленых тонах: зеленые рубашки, зеленые носки, темно-зеленые школьные пуловеры. Все идентично моим собственным вещам (кроме цвета), все того же размера, словно мир накрыли цветной линзой и моя жизнь тут же приобрела иную окраску.

Цвета играют в жизни огромную роль, они и создают различия. Даже по прошествии стольких лет я следую схеме, заданной матерью. Синие джинсы, синяя куртка с капюшоном, синяя майка, синие носки, даже на кроссовках сбоку синяя звезда. Черный свитер с высоким горлом, подаренный мне в прошлом году на день рождения, так и лежит ненадеванный в нижнем ящике комода, и стоит мне вспомнить о нем и собраться его примерить, как меня прямо-таки пронзает беспричинное чувство вины.

Я будто слышу резкий окрик: «Это же свитер Найджела!» Понимаю, что это неразумно, но так и не могу заставить себя надеть вещь его цвета – не смог даже на его похороны.

Возможно, из-за того, что Найджел меня ненавидел. Он упрекал меня во всех наших проблемах. В том, что из-за меня ушел отец, в том, что ему какое-то время пришлось провести в тюрьме, в том, что его судьба не сложилась. Особенно он негодовал по поводу того, что я любимчик матери. Ну это-то, по крайней мере, было оправданно. Я, несомненно, пользовался ее благосклонностью. Во всяком случае, поначалу. Возможно, из-за моего брата-близнеца, родившегося мертвым, что стало болью ее сердца. Возможно, из-за мистера Голубые Глаза, который, по ее признанию, был любовью всей ее жизни.

Найджел превратил обычное соперничество между братьями в определяющую форму отношений. Мы с Бренданом жили в постоянном страхе, поскольку Найджел прямо-таки терроризировал нас приступами неуправляемого гнева. Брен, наш коричневый брат, избегал самого худшего, оказавшись во многих отношениях слишком уязвимым. Найджел его презирал и использовал – то как послушного раба, то как живой щит, спасающий от материнского гнева; в остальное время Брендан служил мальчиком для битья, бравшим на себя любую вину.

Но терроризировать его было слишком легко. Найджел не получал удовлетворения, поражая эту мишень. Брендана можно было ударить, можно было заставить плакать, но никто никогда не видел, чтобы он кому-нибудь дал сдачи. Возможно, он на собственном опыте постиг, что наилучший способ общения с Найджелом, как и с нападающим слоном, – лежать неподвижно и притворяться мертвым, надеясь, что тебя не растопчут. Судя по всему, он никогда не таил обиды на Найджела, даже если тот откровенно его мучил, как бы подтверждая слова матери о том, что наш Брен – не самый острый предмет в шкатулке, и если кому-то из семьи удастся написать в этой истории счастливый конец, то это, конечно же, будет Бенджамин.

Ну в общем, да. У матери было несколько излюбленных клише. Воспитанная на сказочных историях о невероятных лотерейных выигрышах, о том, как младшие сыновья в итоге женятся на принцессах, об эксцентричных миллионерах, которые оставляют состояние нищему постреленку, завоевавшему их сердце, мать верила в фортуны. А также абсолютно все воспринимала в черно-белом цвете. И если Брен подчинился без жалоб, предпочтя безопасную посредственность предательскому бремени выдающихся способностей, то Найджел, который был отнюдь не дурак, сильно возмутился, поняв, что ему чуть ли не с рождения уготована роль безобразной сводной сестрицы или вечного человека в черном.

Итак, Найджел негодовал. Он злился на мать, на Бена и даже на бедного толстого Брендана, который старался быть тихим и добрым и все чаще находил утешение в еде, особенно в сладостях, словно они могли обеспечить ему какую-то защиту в мире, где чересчур много острого – особенно всяких углов и граней.

Пока Найджел играл на улице или гонял по всей округе на своем байке, Брен смотрел телевизор, держа в каждой руке по пончику и пристроив рядом очередную упаковку – допустим, шесть банок пепси. Ну а Бенджамин отправлялся вместе с мамой на работу, зажав в пухлом кулачке тряпку для пыли, и удивленно таращил глаза при виде великолепия чужих домов с широкими лестницами, аккуратными подъездными дорожками, гигантскими аудиосистемами и библиотеками, где стены от пола до потолка заняты книжными полками; его поражали битком набитые всякой вкуснятиной холодильники, непременно пианино в гостиной, толстые мохнатые ковры и блюда с фруктами в просторных, светлых столовых, где пол сверкал, как в танцевальном зале.

– Посмотри, Бен, – говорила мать, показывая фотографии в дорогах, обтянутых кожей рамках, где мальчики и девочки в школьной форме улыбались щербатыми ртами. – Таким и

ты будешь через несколько лет. Да, ты тоже будешь школьником, будешь учиться в большой хорошей школе и непременно так, чтобы я гордилась тобой...

Порой ее способ выражения нежности чем-то смахивал на угрозу. Ей ведь к этому времени уже перевалило за тридцать, и жизнь успела достаточно ее потрепать.

Примерно так я думал, будучи подростком. Теперь же, глядя на ее фотографии, я понимаю: а ведь она была очень хороша собой, хотя ее красоту могли бы счесть несколько необычной, точнее, непривычной: черные как смоль волосы и очень темные глаза, полные губы и высокие скулы. Все это ее, типичную британку, англичанку до мозга костей, делало похожей на француженку.

Найджел очень напоминал мать – те же темные выразительные глаза. А я был совсем другой: светловолосый, хотя волосы со временем потемнели и стали светло-каштановыми, с тонкими губами, придававшими моему лицу подозрительное выражение, с серо-голубыми, несколько необычного оттенка глазами в пол-лица...

Интересно, а мы с Малькольмом в точности походили бы друг на друга? Были бы и у него такие же голубые глаза? Или у меня – такие же, как у него, всегда словно смотрящие внутрь себя?

В восточных языках – так, во всяком случае, утверждал доктор Пикок – нет различия между синим и зеленым. Вместо этого там имеется объединяющее сложное понятие, дающее представление об обоих оттенках сразу, которое можно перевести как «цвет неба» или «цвет листвы». Для меня в этом есть вполне определенный смысл. С раннего детства я воспринимал синий как цвет Бена, коричневый – как цвет Брендана, черный – как цвет Найджела, и у меня никогда даже мысли не возникало, что у других другие ассоциации.

Доктор Пикок научил меня смотреть на все по-новому. Благодаря его помощи, его картам, пластинкам, книгам и коллекциям бабочек я постепенно расширял свой кругозор, учился доверять собственному восприятию. За это я всегда буду ему благодарен, несмотря на то что он так унизил меня. Впрочем, в итоге он всех нас унизил: и меня, и моих братьев, и Эмили. При всей своей доброте доктор Пикок, видите ли, никого из нас по-настоящему не любил. И когда мы надоели ему, он попросту отшвырнул нас в общую кучу ненужных вещей. Альбертина это понимает, хотя никогда не говорит о тех временах, старательно делая вид, что на самом деле она это не она, а совсем другой человек...

И все же недавние события внесли определенные изменения. Пора это проверить на практике. То есть на самой Альбертине. Ей, наверное, пока неизвестно, что как веб-мастер badguysrock я могу прочесть любой из ее постов. Ко мне не относятся никакие установленные ею ограничения, мне все равно, публичная это запись или личная. Спрятавшись в свой кокон, она понятия не имеет, как близко я порой к ней подбираюсь во время своих наблюдений. Не правда ли, она выглядит абсолютно невинной в своем красном пальтишке с корзиной для продуктов? Однако, как довелось выяснить моему брату Найджелу, плохие парни далеко не всегда носят черное, а маленькая девочка, заблудившаяся в лесу, порой составляет отличную пару для большого злого волка...

Часть вторая Черная

1

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ ALBERTINE

Время: 20.54, суббота, 2 февраля

Статус: ограниченный

Настроение: мрачное

Я всегда ненавидела похороны. Шум крематория, когда все почему-то говорят разом, стук каблучков по полированным полам, тошнотворный запах цветов. Похоронные цветы не такие, как прочие, у них даже аромат какой-то не цветочный, больше напоминающий дезодорант, призванный заглушить запах смерти, нечто среднее между хлоркой и хвойной эссенцией. Считается, правда, что эти цветы красивы. Но единственная мысль, которая приходит мне в голову, когда гроб наконец-то отправляется в печь, – что эти цветы очень похожи на веточку петрушки, которой украшают рыбу в ресторане; обычно это безвкусное колючее приложение никто даже в рот не берет. Зеленую веточку петрушки прибавляют к блюду тоже только для красоты – и красота похоронных цветов должна отвлечь нас от вкуса смерти.

В общем-то, я почти не тоскую по нему. И понимаю: это ужасно. Мы ведь были не просто друзьями, а любовниками, и, несмотря на его мрачные настроения, на его вечную тревогу, на привычку барабанить пальцами по любой поверхности и не к месту суетиться, я любила его. Знаю, что любила. И все же я действительно почти ничего не ощущала, когда его гроб скользил по наклонной плоскости прямо в пекло. Неужели я такой плохой человек?

И я думаю: да, пожалуй, я действительно плохая.

Сказали, что это несчастный случай. Найджел и впрямь чудовищно водил машину. Вечно превышал скорость, вечно психовал по пустякам, стучал пальцами по рулю, топал от нетерпения ногами и яростно жестикулировал, словно собственными раздраженными жестами мог компенсировать тупость и флегматичность других водителей. И всегда в нем была эта молчаливая ярость; он злился на того, кто ехал впереди, злился, что его постоянно обгоняют, злился на людей медлительных и на тех, кто слишком гоняет, злился, что на дороге попадаются старые автомобили, злился на детей и на инвалидов.

«Неважно, как быстро ты едешь, – заявлял он, барабанил пальцами по панели и сводя меня этим с ума, – непременно появится какой-нибудь идиот и станет вилять задним бампером у тебя перед носом, точно бродячая сука во время течки...»

Ну что ж, Найджел. Теперь тебе это удалось. Прямо на пересечении Миллроуд и Нортгейт ты развернулся поперек всех четырех полос и легко, точно игрушечная машинка «Тонка», взлетел и перевернулся. Говорят, там было скользко и осталась полоска льда. Да еще и грузовик выскочил навстречу. Но до конца никому ничего не известно. Тебя опознал кто-то из родственников, возможно, мать, но выяснить наверняка я не могу. Хотя у меня есть четкое ощущение, что туда ходила именно она. Ведь победа всегда за нею. Вон она стоит, вся в трауре, и плачет в объятиях своего сына, последнего из оставшихся в живых, а я с сухими глазами прячусь в самом дальнем ряду...

От автомобиля мало что осталось, как и от тебя. Напоминает собачий корм в покоробленной жестянке. Понимаете, я все пытаюсь быть крутой. Пытаюсь заставить себя почувствовать хоть что-нибудь, а не только это странное ледяное спокойствие в застывшем сердце.

Я все еще слышу, как за черной занавеской работает спусковой механизм, слышу шелест дешевого бархата (с асбестовой подкладкой), завершающий это маленькое представление. Я так и не проронила ни слезинки. Даже когда заиграла музыка.

Найджел не любил классическую музыку. И уверял, что знает, какую именно музыку хотел бы услышать на собственных похоронах, так что им пришлось поставить «Paint It Black» «The Rolling Stones» и «Perfect Day» Лу Рида. Но эти песни, которые в данном контексте звучали, пожалуй, даже слишком мрачно, были надо мной совершенно не властны.

Потом я слепо двинулась вместе с толпой в приемную и, обнаружив свободный стул, пристроилась в уголке, подальше от этой людской мельницы. Его мать со мной так и не заговорила. Да я и не ожидала, что она станет со мной общаться, но постоянно ощущала ее присутствие – точно полное злобы осиное гнездо. Я уверена: именно меня она во всем обвиняет, хотя довольно трудно представить, как я могу быть виноватой в той аварии.

Полагаю, смерть сына для нее не так важна, как возможность продемонстрировать свое горе. Я слышала, как она обращалась к своим приятельницам – и голос ее от сдерживаемой ярости звучал отрывисто:

– Просто поверить не могу, что она посмела сюда явиться! Не могу поверить, что у нее хватило наглости...

– Успокойся, дорогуша, – ответила Элеонора Вайн, я узнала ее бесцветный голос, – успокойся. Не стоит так нервничать.

Элеонора – подруга Глории, одна из ее бывших хозяек. Две другие ее ближайшие приятельницы – Адель Робертс и Морин Пайк. В доме Адели Глория тоже раньше работала, а сама Адель когда-то преподавала в школе Саннибэнк-Парк, и все считали ее француженкой (возможно, из-за имени). Морин Пайк, женщина весьма прямолинейная, даже несколько агрессивная, возглавляет местный «соседский дозор». Ее голос, по-моему, способен преодолеть любые препятствия; я легко могу представить, как она командует войсками.

– Элеонора права. Успокойся, Глория. Съешь еще кусочек пирога.

– Если ты думаешь, что я способна хоть что-то съесть...

– Тогда выпей чашечку чая, дорогая. Это пойдет тебе на пользу. Поддержит силы.

Мне снова пришла в голову мысль о гробе и цветах. Все это, наверное, уже обуглилось. Так много людей ушло от меня этим путем... Когда же наконец я перестану во время похорон быть такой равнодушной?

Все началось девять дней назад. Девять дней назад было получено письмо. А до этого мы, то есть Найджел и я, спокойно существовали в уютном коконе мелких повседневных удовольствий и безвредных делишек; два человека, притворявшихся, что у них все нормально – что бы это ни значило – и никто из них не несет никакого ущерба, ни в ком нет ни единого недостатка, ни одной трещинки, которую невозможно заделать.

А как же любовь? И она была. Но любовь – это в лучшем случае проплывающий мимо корабль, а мы с Найджелом были изгоями и жались друг к другу в поисках тепла и утешения. Он – сердитый поэт, который смотрит на звезды, лежа в сточной канаве. А я... я всегда была кем-то другим.

Родилась я здесь, в Молбри. В заброшенной северной деревушке неподалеку от городка, застрявшего в прошлом. Здесь безопасно. Никто меня не замечает. Никто не подвергает сомнению мое право находиться здесь. Никто больше не играет на фортепиано, никто не крутит пластинки, оставшиеся от отца, не слушает Берлиоза, эту ужасную «Фантастическую симфонию», звуки которой до сих пор преследуют меня. Никто не ведет разговоров об Эмили Уайт, о случившемся с ней скандале, о той трагедии. Ну почти никто. Это произошло так давно – уже больше двадцати лет назад, – и теперь каждый сочтет простым совпадением

то, что именно я живу в доме Эмили, некогда столь знаменитом, а также то, что из всего мужского населения Молбри именно сыну Глории Уинтер нашлось местечко в моем сердце.

Я познакомилась с ним случайно субботним вечером в «Зебре». Тогда я была почти всем довольна, к тому же рабочие наконец-то полностью освободили дом, который давно нуждался в ремонте. Папа уже три года, как умер. Я вернула себе прежнее имя. У меня были компьютер и друзья в Интернете. Я ходила в «Зебру», чтобы вокруг были люди. И если порой я еще чувствовала себя одинокой, то фортепиано по-прежнему стояло там, в дальней комнате, теперь, правда, безнадежно расстроенное, но до боли знакомое, родное, как запах папиного табака, который я иногда случайно ловила, проходя по улице, точно поцелуй чужих губ...

А затем появился Найджел Уинтер. Как природная стихия, он вломился в мою жизнь и все разрушил. Он искал неприятностей на свою голову и вместо них случайно нашел меня.

В «Розовой зебре» редко случаются какие-то неприятности. Даже по субботам, когда туда забредают байкеры и готы, направляясь на концерт в Шеффилд или Лидс, там царит вполне дружелюбная обстановка, а поскольку заведение закрывается достаточно рано, посетители расходятся, будучи еще относительно трезвыми.

Но тот вечер стал исключением. К десяти часам городские клуши, собравшиеся на девичник, и не думали освобождать помещение. Они распили уже не одну бутылку шардоне и теперь обсуждали скандальные происшествия прошлых лет. Я старательно делала вид, что вовсе не слушаю; я вообще пыталась быть невидимой. Но тем не менее постоянно чувствовала на себе их взгляды, в которых сквозило прямо-таки патологическое любопытство.

Наконец одна из этих женщин пьяным шепотом, слишком громким, точно актриса со сцены, спросила меня о том, о чем и упоминать-то никто не решался:

– Ты ведь она, верно? Ты та самая как-там-ее-звали?

– Простите. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

– Да нет, это ты и есть! – Протянув руку, женщина коснулась моего плеча. – Я же тебя видела. О тебе есть страничка в Википедии и все такое.

– Вам не стоит верить всему, что вы читаете в Интернете. По большей части это полное вранье.

Но она не отставала.

– Я ведь видела на выставке те картины. Помню, мама взяла меня с собой. У меня даже был постер. Забыла название... Какое-то французское. И совершенно дикие цвета. Должно быть, ужасно тебе досталось. Бедная детка! Сколько же тебе тогда было лет? Десять? Двенадцать? Если бы кто тронул моих ребятишек, я бы этого скота просто прикончила!..

Я всегда была склонна к внезапным приступам паники. Даже теперь, по прошествии стольких лет, паника наползает неизвестно откуда и в самый неподходящий момент набрасывается на меня. В тот вечер подобный приступ случился впервые за несколько месяцев, так что я оказалась совершенно неподготовленной. Мне вдруг стало трудно дышать, в ушах звучала оглушительная музыка, я прямо тонула в ней, хотя в зале музыка вообще не играла...

Страхнув руку той женщины с плеча, я с трудом выползла на свежий воздух. На мгновение я словно опять превратилась в маленькую девочку, заблудившуюся среди деревьев. Я попыталась нащупать стену, чтобы опереться, но под рукой был только воздух; вокруг меня шумели и смеялись люди. Та женская компания собралась наконец уходить. Я изо всех сил старалась удержаться на ногах. Я слышала, как кто-то потребовал счет, потом прозвучал вопрос: «Кто брал рыбу?» Их пьяный смех гулким эхом отдавался у меня в ушах.

«Дыши, детка, дыши», – уговаривала я себя.

– Вам нехорошо? – раздался мужской голос.

– Что, простите? Нет, я просто не люблю, когда слишком много народу.

Он рассмеялся.

– В таком случае вы оказались в неподходящем месте, моя милая.

Моя милая. В этих словах было некое обещание...

Сначала многие пытались предупредить меня, что Найджел нестабилен, что у него криминальное прошлое. Но в конце концов, и мое прошлое вряд ли можно назвать идеальным. А с ним мне было так хорошо – хорошо, потому что я наконец оказалась рядом с кем-то реальным. И, плюнув на все предостережения, я с головой погрузилась в отношения.

«Ты была такой милой, – признавался он после той, первой встречи. – Милой и потрясающей». Ах, Найджел!

А потом, тем же вечером, мы с ним поехали на вересковые пустоши, и он все о себе рассказал – о том, как сидел в тюрьме, и о той ошибке юности, из-за которой угодил туда; затем мы долго-долго лежали на вереске, глядя в ошеломляюще тихое звездное небо, и он все пытался объяснить, что означает то или иное скопление крошечных световых точек, разбросанных по темному бархату...

«Ну вот, – подумалось мне, – а сейчас поплачем. Пожалуй, не столько о самом Найджеле, сколько о себе и о той нашей звездной ночи». Но и теперь, во время похорон моего любовника, глаза мои упрямо оставались сухими. Вдруг я ощутила на плече чью-то руку, мужской голос спросил:

– Прости, тебе плохо?

Я очень чувствительна к голосам. Каждый из них, словно музыкальный инструмент, уникален и обладает индивидуальным алгоритмом. У мужчины был приятный голос, спокойный и очень четкий; некоторые слоги он произносил как бы с легким нажимом, словно человек, который немного заикается. Не такой, как голос Найджела, но было понятно, что они братья.

– Ничего, все в порядке, – ответила я. – Спасибо.

– В порядке, – задумчиво повторил он. – На редкость полезное выражение, не правда ли? В данном случае означает: я не желаю с тобой общаться, пожалуйста, уйди и оставь меня в покое.

В его тоне не было ни малейшего раздражения или угрозы. Лишь холодная усмешка. И пожалуй, немного сочувствия.

– Извини, если... – начала я.

– Нет. Я сам виноват. И приношу свои извинения. Просто ненавижу похороны. Сплошное лицемерие. И пошлость. Пища, которую в другое время и есть бы не стал. Ритуал с крошечными сэндвичами из рыбного паштета, мини-тарталетками с вареньем и сосисками в слоеном тесте... – Кажется, он заставил себя переменить тему. – Ох, прости! Пожалуй, теперь я веду себя грубо. Принести тебе какой-нибудь еды?

Я нервно рассмеялась.

– Ты так аппетитно об этом рассказываешь, что я, пожалуй, лучше откажусь.

– И поступишь весьма разумно.

В этой фразе я различила самую настоящую улыбку. Его обаяние до такой степени меня поразило, что и сейчас, когда прошло столько времени, меня всегда чуточку подташнивает, когда я вспоминаю, что на похоронах своего любовника я преспокойно болтала – и смеялась! – с другим мужчиной, которого находила почти привлекательным...

– Должен признаться, я испытываю огромное облегчение, – сообщил он. – Я ведь думал, что ты во всем обвинишь меня.

– Обвинять тебя в том, что Найджел попал в аварию? Но с какой стати?

– Ну, может, из-за моего письма, – пояснил он.

– Из-за твоего письма?

И снова в его голосе послышалась улыбка.

– Из-за того письма, которое он получил и распечатал в день своей гибели. Почему, как ты считаешь, он ехал так неосторожно? Полагаю, ему просто хотелось поскорее до меня добраться. И воплотить в жизнь одно из своих... предупреждений.

Я пожала плечами.

– Ты что, ясновидящий? Смерть Найджела – просто несчастный случай...

– В нашей семье не бывает просто несчастных случаев.

После этих слов, встав так поспешно, что мой стул с грохотом отлетел в сторону по паркетному полу, я спросила:

– Что все это значит, черт побери?

Его голос звучал по-прежнему спокойно, но в нем еще слышалась ирония.

– Это значит, что свою долю несчастий мы уже получили. А ты чего хотела? Исповеди?

– Я бы никогда не связала случившееся с тобой, – заявила я.

– Ну спасибо. Ты поставила меня на место.

Тут я ощутила какое-то странное головокружение. То ли от жары, то ли от шума, то ли просто из-за того, что он стоял так близко и можно было взять его за руку...

– Ты ненавидел его? Хотел, чтобы он умер? – промолвила я жалобно, словно ребенок.

Он помолчал и ответил:

– Я полагал, ты знаешь меня. Неужели ты действительно думаешь, что я способен на такое?

И теперь мне показалось, что я почти слышу первые такты «Фантастической симфонии» Берлиоза с ее скороговоркой флейт и негромкими, ласкающими звуками струнных. Что-то ужасное приближалось к нам, и мне вдруг почудилось, что в воздухе, которым я дышу, совсем нет кислорода. Я попыталась схватиться за спинку стула, чтобы не упасть, но промахнулась и невольно шагнула куда-то в пустоту. В горло точно вонзилась булавка, а голова казалась раздувшейся, как воздушный шар. Подобно слепой, я вытянула перед собой руки, но они тоже ощутили лишь пустоту.

– Что с тобой? Тебе нехорошо? – произнес он с искренней тревогой.

И снова я попыталась нащупать спинку стула – мне необходимо было немедленно сесть, – но вдруг совершенно растерялась, и помещение показалось мне темной глубокой пещерой.

– Постарайся расслабиться. Сядь. И дыши спокойно.

Я чувствовала, как он нежно обнимает меня за плечи и подводит к стулу, и снова вспомнила Найджела и то, как мой папочка чуть надтреснутым, дрожащим голосом говорит: «Ну же, Эмили. Дыши. Дыши!»

– Может, я лучше выведу тебя на улицу? – предложил он.

– Да нет, ничего. Все в порядке. Это из-за шума.

– Ну, если это не из-за моих откровений...

– Не лсти себе, – парировала я, изобразив фальшивую улыбку.

И лицо мое сразу застыло, как после укола дантиста. Мне действительно необходимо было немедленно выбраться оттуда. Я оттолкнула стул, и он снова с грохотом проехал по паркету. Мне требовалось хоть несколько глотков свежего воздуха, и все сразу пришло бы в норму. Умолкли бы голоса, эхом звучащие в ушах. И прекратилась бы эта ужасная музыка.

– Тебе плохо?

«Дыши, детка, дыши».

Теперь музыка гремела с новой силой, перейдя в мажор, отчего-то кажущийся еще более опасным и тревожным, чем минор...

Затем, словно сквозь разряды статического электричества, я услышала его голос:

– Не забудь пальто, Альбертина.

После этой фразы я вырвалась и бросилась наутек, не обращая внимания на препятствия и неожиданно обнаружив, что вполне еще способна крикнуть: «Дайте пройти!» И так, я снова бежала, точно преступница, лихорадочно проталкиваясь сквозь толпу навстречу безмолвному пространству.

2

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 21.03, суббота, 2 февраля

Статус: ограниченный

Настроение: язвительное

Музыка: Voltaire, Almost Human

Оказывается, она находит меня почти привлекательным. Это так трогательно, что просто нет слов. Знать, что она так думает обо мне – или хотя бы какое-то время думала... Теперь, пожалуй, можно еще поскрипеть...

Когда в день своей гибели Найджел заглянул к нам, я как раз проявлял фотографии. Мой айпод играл на полную мощность, и я попросту не услышал стук в дверь.

– Би-Би! – настойчиво крикнула мать; ненавижу, когда она так меня называет. – Что? Ну что ты там делаешь? Ты торчишь там уже несколько часов!

– Просто сортирую негативы.

Слух у нее невероятно хороший. И довольно много различных вариантов молчания. На этот раз молчание было явно неодобрительным; она не переваривает мои занятия фотографией, считая их пустой тратой времени. И потом, в мою темную комнату никто, кроме меня, войти не может – дверь я запираю на замок. По ее словам, это совершенно нездоровая привычка: у мальчика не должно быть секретов от его мамы.

Ее затянувшееся молчание начало действовать мне на нервы. Теперь оно усугубилось, стало задумчивым, а я прекрасно знал, что в такие моменты мать опаснее всего. Она явно что-то таила за пазухой, что-то, не сулящее добра.

– Ну что там, ма? – вынужден был спросить я. – Мам? Ты еще тут?

– Твой брат пришел, – сухо сообщила она. – Хочет тебя видеть.

Вы наверняка догадываетесь, что было дальше. И по-моему, мать даже не сомневалась: я это заслужил. В конце концов, я ведь сам был виноват в том, что потерял право на защиту с ее стороны, сам развел целую кучу секретов от нее. Если честно, все было не совсем так, как я описывал в своем журнале, но ведь автор имеет право на художественный вымысел, право на свободное развитие сюжета. Найджел всегда обладал бешеным темпераментом, а я никогда не принадлежал к числу тех, кто способен дать сдачи.

Пожалуй, я мог бы как-то выкрутиться с помощью лжи, и я не раз это проделывал, но мне показалось, что уже слишком поздно: в ход было пущено нечто такое, что невозможно остановить. Кроме того, братец вел себя вызывающе нагло. Он был абсолютно уверен в эффективности своей хамской, дуболомной тактики, ему никогда и в голову не приходило, что существуют и другие, более мягкие способы выиграть сражение, а не только применение грубой силы. Найджелу всегда не хватало гибкости и хитрости. Возможно, именно поэтому она и полюбила его. Он, в общем-то, совершенно ей не соответствовал: слишком открытый, слишком прямолинейный и слишком верный, как хороший пес.

Не об этом ли ты думала, Альбертина? Не это ли ты видела в нем? Не отражение ли твоей былой, ныне утраченной невинности? Ну, я могу лишь развести руками. Ты ошибалась. Найджел отнюдь не был невинным. Он был убийцей, точно таким же, как и я, хотя тебе – я совершенно в этом уверен – он никогда не говорил об этом. Да и что, в конце концов, он мог тебе сказать? Что при всей кажущейся честности он так же фальшив, как и я? Что мы оба лгуны? Что он просто согласился на ту роль, которую ты предложила ему, и сыграл профессионально?

Эти похороны чересчур затянулись. Похороны вообще имеют тенденцию затягиваться, а после поминок, когда со столов сметены сэндвичи и сосиски в слоеном тесте, еще предстоит возвращение домой, и все это снова на тебя обрушится – фотографии, которые нужно проявить, ее вздохи, слезы, банальные слова сожалений... Будто она и впрямь когда-то любила его, будто ей удалось полюбить кого-то, кроме себя самой, Глории Грин...

По крайней мере, это произошло почти мгновенно. Первый сорт, величайший хит, излюбленная пошлость всех времен и народов, воспеваемая в классических шлягерах и выраженная в штампах. «По крайней мере, он не страдал» или: «Ах, эта дорога просто ужасна, а они так по ней гоняют!» Место, где погиб мой брат, напоминает теперь место гибели принцессы Дианы, хотя цветов там, слава богу, существенно меньше.

Я совершил странствие в это святое место вместе с другими пилигримами – моей матерью, Аделью и Морин. Искренне ваш был одет в присущие ему цвета; мать, точно вдовствующая королева, была вся в черном и под вуалью; от нее, естественно, разило «L'Neige Bleue», а в руках она несла чучело собачки, держащей в пасти венки – такая веселая нотка в похоронной процессии, превращение хобби в составляющую похорон...

– Не думаю, что смогу туда посмотреть, – заявляет она и отворачивается.

Однако ее орлиный взор подмечает подношения у дороги, и в уме она уже подсчитывает стоимость груды красных гвоздик, бегоний в горшках и веток печальных хризантем, воткнутых в стену придорожного гаража.

– Лучше бы они были не от нее, – добавляет она, хотя это лишнее.

На самом деле ничто не указывает на пребывание здесь девушки Найджела; еще менее вероятно, что она приносила цветы.

Однако мать эти доводы не убеждают. Она посылает меня произвести расследование и отвергнуть любой дар, в который не вложена визитная карточка, затем кладет чучело собачки на обочину дороги и тяжело вздыхает, с трудом сдерживая слезы.

Исполнив свой долг, она, с обеих сторон поддерживаемая Аделью и Морин, бредет назад на шестидюймовых каблуках, которые напоминают остро заточенные карандаши и, цепляясь за асфальт, издают такой противный звук, что у меня возникает оскомина – как когда пишут мелом по сухой школьной доске.

– По крайней мере, у тебя есть Би-Би, дорогая Глория.

Очередная величайшая пошлость. Пошлость номер четыре.

Глаза матери холодны и ничего не выражают. В центре каждого зрачка маленький, как булавочная головка, голубой проблеск. И я лишь через некоторое время понимаю, что это мое отражение.

– Да. Просто не представляю, что бы я делала без него, – отвечает она. – Би-Би никогда бы не разочаровал меня так. Он бы никогда не стал меня обманывать.

Неужели она действительно произнесла эти слова? Может, мне просто показалось? И все же именно в этом, как она считает, заключается предательство Найджела. Вот как она мыслит: плохо уже и то, что я потеряла сына, уступив его другой женщине, но уступить его той девчонке...

Найджелу следовало шевелить мозгами. Разве можно сбежать от Глории Грин? Моя мать – словно насекомоядное растение *Nepenthes distillatoria*, которое привлекает жертву сладким нектаром, а затем, когда та устает сопротивляться, топит ее в кислоте.

Мне бы следовало это знать, я ведь прожил с ней целых сорок два года. А причина того, что меня до сих пор не переварили с помощью кислоты, довольно проста: этому хищному паразиту необходим манок, подсадная утка, существо, которое, спокойно обитая на его лепестке, одним своим видом убеждает остальных, что бояться тут нечего...

Понимаю, это вряд ли достойное занятие. Но так, безусловно, лучше, чем быть съеденным заживо. Видите ли, выгодно сохранять верность моей мамуле. И притворяться тоже

выгодно. Кроме того, разве не я стал ее любимцем, которого обучили убивать еще во чреве? И если я сумел избавиться от Малькольма, с какой стати мне щадить двоих оставшихся?

В детстве я считал, что система правосудия – это неправильный и слишком долгий путь к цели. Итак, человек совершает преступление. Затем (конечно, если его поймали) ему выносятся приговор. Пять, десять, двадцать лет – в зависимости от тяжести злодеяния. Но поскольку очень многие преступники неспособны предвидеть, какова будет расплата, было бы разумнее не совершать преступление в кредит, а как бы расплатиться за него заранее и заранее отсидеть определенный срок, чтобы потом уже спокойно, без всякого судебного разбирательства, дать выход любым разрушительным эмоциям, сея хаос или устраивая резню.

Представьте, как много времени и денег можно было бы сэкономить; не потребовались бы ни полицейские расследования, ни продолжительные допросы, я уж не говорю о ненужных волнениях и огорчениях, которые выпадают на долю самого преступника, ведь он никогда не знает, будет ли пойман и осужден. А при той системе, которую я предлагаю, многих серьезных преступлений действительно можно было бы избежать – ведь мало кто согласился бы провести всю жизнь в тюрьме ради одного-единственного убийства. На самом деле, уже отсидев половину срока, преступник предпочтет выйти на свободу и остаться невиновным ни в одном преступлении, даже если ему не засчитают время, проведенное в тюрьме. А кто-то отсидит достаточный срок, заранее оплатив какое-нибудь не особенно тяжкое преступление: нападение с применением оружия, например, или, допустим, изнасилование, или ограбление...

Понимаете? Это же идеальная система! Моральная, дешевая и практичная. Она позволяет переменить отношение к жизни. Она предлагает отпущение грехов. Грех и его искупление в одном флаконе, бесплатная карма, приобретенная в «Jesus Christ superstore»...¹⁴

Впрочем, это лично моя точка зрения. Я-то отведенное мне время полностью исчерпал. Больше сорока лет отсидки. И теперь, когда близится день моего освобождения...

Вселенная задолжала мне как минимум одно убийство.

¹⁴ Несколько издевательская аллюзия на название рок-оперы Эндрю Ллойда Уэббера «Jesus Christ Superstar» («Иисус Христос – суперзвезда», 1970). Superstore (англ.) – супермаркет.

3

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Время: 22.03, суббота, 2 февраля

Статус: публичный

Настроение: убийственное

Музыка: Peter Gabriel, Family Snapshot

Братья всегда недолюбливали его. Возможно, он слишком сильно от них отличался. А возможно, они просто завидовали его способностям и тому вниманию, которым он пользовался благодаря своему дару. Так или иначе, они ненавидели его – ну, возможно, Брендан, братец в коричневом, на ненависть способен не был, для этого он был слишком толстым; а вот Найджел, тот, что в черном, точно ненавидел. В тот год, когда родился Бенджамин, Найджелу пришлось испытать столь сложные перемены в собственной жизни, что он стал прямо-таки неузнаваем.

Рождение младшего брата он встретил взрывами такого бешеного гнева, что мать оказалась попросту неспособна ни унять этот гнев, ни докопаться до его причины. А трехлетний Брендан – тогда это был спокойный, флегматичный, добродушный ребенок, – услышав, что у него теперь есть маленький братик, заявил: «Это еще зачем, ма? Отошли его обратно!»

Как вы догадываетесь, не слишком многообещающее начало для маленького Бенджамина, который вскоре понял, что его бросили в этот жестокий мир, точно кость своре собак, и никто, кроме мамы, не может его защитить, уберечь от перспективы быть съеденным заживо.

Но мать именно его считала своим голубоглазым талисманом. Именно он казался ей необыкновенным, особенным – с того самого дня, как появился на свет. Остальные дети были обычные; они, как и все, ходили в школу, качались на качелях, лазали по всяким, иногда довольно опасным строениям на детской площадке, рисковали конечностями, а порой и жизнью, играя в футбол, и каждый день приходили домой с синяками и ссадинами, которых она старалась не замечать. Зато над Беном она прямо-таки тряслась. Стоило ему оцарапаться или разок кашлянуть, и она сразу же была тревогу. А уж когда он явился из детского сада с разбитым носом (нос ему разбили в жестокой схватке из-за вырытой в песке ямки), она тут же забрала его оттуда, и он стал вместе с ней ходить по домам тех хозяек, которых она обслуживала.

Тогда у нее было четыре хозяйки, и всех их Голубоглазый видел через призму синего цвета. Все они жили в Деревне на расстоянии не более полумили друг от друга; дома их стояли на красивых, обсаженных деревьями улицах, тянувшихся от Миллроуд до самой границы с Белым городом.

Помимо миссис Электрик-Блю, которой предстояло лет через пятнадцать – двадцать умереть столь неожиданным образом, имелись миссис Френч-Блю, которая курила сигареты «Голуаз» и любила слушать Жака Бреля, миссис Химик-Блю, которая принимала чуть ли не двадцать видов витаминов и непременно убирала дом до прихода Бенджамина с матерью (а возможно, и после), и, наконец, миссис Беби-Блю, которая коллекционировала фарфоровых кукол и, по ее словам, была художницей – во всяком случае, на чердаке у нее действительно имелась студия. Ее муж преподавал музыку в Сент-Освальдс, привилегированной школе для мальчиков, расположенной чуть дальше по той же улице; туда они с матерью каждый день в четыре тридцать ходили убирать классы в верхнем коридоре и возили по паркетным полам старую полировальную машину; Бену казалось, что коридор этот в десятки миль длиной.

Бен не любил Сент-Освальдс. Особенно ненавидел тамошний затхлый запах, смешанный с вонью дезинфекции и полироли. Это был отвратительный (хотя и не особенно сильный) запах засохших и заплесневелых сэндвичей,дохлых мышей, зараженного жучком дерева и мела; этот запах застревал у него глубоко в горле и вызывал перманентный катар. Через некоторое время достаточно было произнести вслух название школы – тошнотворное сочетание звуков Освальдс! – и он тут же ощущал запах. С самого начала это место внушало ему ужас; он боялся и преподавателей в длинных черных одеяниях, и учеников в полосатых кепках и синих блейзерах с нашивками.

А вот мамыны хозяйки ему нравились. Во всяком случае, сначала.

«Ах, он такой умница! – восклицали они. – Только почему он не улыбается? Хочешь печенье, Бен? Хочешь во что-нибудь поиграть?»

И Бен обнаружил, что ему приятно, когда над ним так хлопочут. Четырехлетние малыши обладают великой властью над женщинами определенного возраста. Вскоре он отлично научился пользоваться этой властью и понял, что даже самое притворное хныканье способно вызвать у этих дам искреннюю озабоченность, а улыбкой можно завоевать и лакомство, и подарок, и прочие удовольствия. У каждой хозяйки имелось для него особое угощение: миссис Электрик предлагала кокосовые колечки, миссис Френч-Блю – печенье «язычки», *langues de chat*. Но самой его любимой хозяйкой была миссис Беби-Блю, которую в реальности звали Кэтрин Уайт. Она покупала большие красные банки печенья «Фэмили секл», где были и двойные печенье с джемом, и шоколадные, и колечки с глазурью, и розовые вафли – эти вафли потом почему-то вспоминались ему как нечто декадентское, возможно из-за своей легкости и хрупкости, и чем-то походили на пышное убранство кровати Кэтрин или ее коллекцию кукол с невыразительными и несколько зловещими фарфоровыми лицами, выглядывавшими из кружев и пышных ситцевых платьев.

Старшие братья почти никогда туда не ходили. А когда изредка это случалось – по выходным или в каникулы, – они не способны были показать себя в выгодном свете. Найджел в свои девять лет уже был сущим головорезом, вечно насупленный и явно склонный к насилию. Брендан, тогда еще не полностью лишившийся младенческой привлекательности, однажды тоже дождался привилегии, но вскоре подрос и всякое очарование утратил; и потом, он всегда был неуклюжим ребенком, вечно все разбивал и переворачивал, а однажды у миссис Уайт вдребезги разбил садовое украшение – солнечные часы. Матери пришлось за это заплатить, после чего оба старших мальчика были наказаны – Брен за то, что нанес ущерб, а Найджел за то, что не предостерег братишку; и больше ни тот ни другой в доме Уайтов не появлялись, так что вся добыча доставалась Бену.

Как же мать Бена реагировала на такое внимание к нему со стороны своих хозяек? Ну, возможно, думала, что кто-то и впрямь очаруется ее сынком и в одном из этих больших богатых домов найдется для него благодетель. У матери Бена имелись свои амбиции, причем такие, которых она и сама толком не понимала. Возможно, она всегда была честолюбива, а возможно, эти амбиции родились в ее душе, когда она вынужденно полировала чужое столовое серебро или рассматривала фотографии чужих сыновей – выпускников колледжа в мантиях и смешных шляпах. И маленький Бен почти с самого начала догадался: мать берет его в большие богатые дома, чтобы научить чему-то более значительному, чем вытирать пыль, выколачивать ковры или натирать воском паркет. Мать чуть ли не с первых дней его жизни ясно дала ему понять, что он особенный, даже уникальный, и предназначен для иных, более великих дел, чем его старшие братья.

И он никогда не подвергал это сомнению. Как, впрочем, и она. Но ее глобальные ожидания были для юного Бена точно петля на шее. Все трое мальчиков понимали: мать много и тяжело работает; у нее часто болела спина после целого дня, проведенного на ногах, да еще и внаклонку, у нее случались жестокие мигрени, а от грязной работы на ладонях появлялись

трещины, из которых сочилась кровь. С ранних лет они ходили вместе с ней по магазинам и задолго до того, как пошли в школу, легко могли подсчитать в уме, сколько надо заплатить в бакалейной лавке и как ужасно мало останется от дневного заработка матери на прочие нужды...

Но открыто мать никогда не говорила об их бедности. Впрочем, они и так чувствовали это тяжелое бремя, огромные мамины ожидания и ее неколебимую, чудовищную уверенность, что уж ее-то сыновья всем докажут и жертвы, принесенные ею, окажутся ненеприятными. Они знали, что должны будут заплатить эту цену и что этот долг им никогда полностью не отдать; об этом, правда, тоже вслух не говорили.

Бен оставался любимчиком матери, и все, что он делал, только укрепляло ее надежды. В отличие от Брендана у него были неплохие успехи в спорте, и это делало его вполне конкурентоспособным. В отличие от Найджела он любил читать, и мать верила в его уникальные способности. Бен еще и рисовал неплохо, к огромному удовольствию миссис Уайт, которая, впрочем, никаких особых надежд на него не возлагала, но, поскольку ей всегда хотелось иметь собственного ребенка, вечно суежилась вокруг, угощала сладостями и дарила подарки. Она была светловолосая, очень хорошенькая и немного богемная; Бена она называла «мой дорогой», обожала танцевать, смеялась и плакала порой без всякой причины. И кстати, все трое братьев втайне мечтали, чтобы именно она была их мамой...

И дом у миссис Уайт был просто замечательный. В гостиной стояло пианино, а парадную дверь украшал большой разноцветный витраж, который в солнечные дни отбрасывал на полированный паркет красные и золотистые зайчики. Пока мать работала, миссис Уайт показывала Бену свою студию, забитую холстами и рулонами бумаги; она учила его рисовать лошадей и собак и, открыв коробку с красками в тюбиках, вслух произносила название каждой, и эти слова звучали для него словно магическое заклинание.

Изумрудная зелень. Морская волна. Хром. Иногда у красок были французские, испанские или итальянские названия, что лишь прибавляло им колдовских свойств. *Violetto. Escarlata. Pardo de Turba. Outremer.*

— Это язык искусства, мой дорогой!

С этим восклицанием миссис Уайт покрывала большой грязно-серый холст сладкими светло-розовыми и грозными пурпурными тонами, поверх которых приклеивала разные картинки из журналов — в основном головки девочек, — затем словно вписывала их в холст с помощью нескольких слоев красок, украшала локонами и облаками настоящих старинных кружев.

Бенджамину эти коллажи не особенно нравились, однако именно миссис Уайт научила его различать цвета, благодаря ей он понял, что его собственный цвет, синий, обладает великим множеством оттенков, и научился определять на глаз разницу между сапфиром и ультрамарином, понимать их текстуру, чувствовать запах.

— Это чья-то шоколадка, — заявлял он, показывая на толстенький алый тюбик с нарисованной на нем земляникой.

Надпись на тюбике гласила: *Escarlata*, то есть алый, а запах был просто сногшибательный, особенно на солнечном свету; этот запах наполнял душу Голубоглазого счастьем, ему виделись какие-то белые пятнышки, которые затем превращались в фантастических мальтийских болонок и куда-то уплывали.

— Как шоколадка может быть красной?

Ему было уже почти семь лет, но он по-прежнему не умел объяснить свои чувства.

— Ну, просто может, и все, — важно отвечал он.

Точно так же тюбик с орехово-коричневой краской (*Avellana*) представлялся ему томатным супом и почему-то часто вызывал у него беспокойство, тюбик *Verde Verones* (веронская зелень) имел аромат лакрицы, а от *Amarillo Naranja* (желтый апельсин) пахло тошнотворным

капустным варевом. Порой ему достаточно было только услышать любое из этих названий, и у него мгновенно возникало соответствующее ощущение; казалось, каждое из этих слов включает некую алхимическую реакцию, дразня его неуловимым и веселым взрывом запахов и оттенков.

Сначала Голубоглазый считал, что все могут испытывать то же самое, но стоило ему упомянуть об этом в присутствии братьев, и Найджел немедленно врезал ему как следует и обозвал фриком, а Брендан просто смутился и сказал удивленно: «Ты что, чувствуешь запах слов, Бен?», а потом и сам стал как-то странно усмехаться, фыркать и крутить носом, стоило Бенджамину появиться с ним рядом, – в общем, всячески делал вид, что имеет ту же способность. Он вообще часто подражал Бену и никогда над ним не подшучивал. На самом деле бедный Брендан попросту завидовал ему; медлительный, коротконогий, толстый, вечно чем-то испуганный, он таскался следом за Беном, но всегда все делал невпопад...

Для матери уникальная особенность Бена так и осталась совершенно непонятной и бессмысленной. Зато миссис Уайт сразу все поняла. Она вообще знала все о языке красок и очень любила душистые свечи – дорогие, привезенные из Франции, – жечь которые, по словам матери Бена, было все равно что сжигать деньги; эти свечи замечательно пахли: фиалками, дымчатой полынью, будуарными пачулями, кедровой хвоей, розами.

У миссис Уайт был один знакомый, приятель ее мужа, и она уверяла, что он отлично в таких вещах разбирается. Она объяснила матери Бена, что у мальчика, вероятно, редкие способности – в чем та и не сомневалась, зато сам Бен очень даже сомневался, хотя и держал это при себе, – и пообещала познакомить их с этим человеком. Его звали доктор Пикок, он жил в одном из больших старых особняков за игровыми площадками школы Сент-Освальдс, на той самой улице, которую мать Бена называла Миллионерской.

Доктору Пикоку был шестьдесят один год, раньше он заведовал школой Сент-Освальдс, а также занимался научной работой и был автором нескольких книг. Он по-прежнему оставался другом мистера Уайта, который преподавал в Сент-Освальдс музыку. Порой доктор прогуливался по Деревне – бородатый, в твидовом пиджаке, в старой шляпе с обвисшими широкими полями и с собакой на поводке. Миссис Уайт пояснила с грустной улыбкой, что доктор Пикок – человек довольно эксцентричный и лишь благодаря кое-каким удачным вложениям имеет гораздо больше денег, чем здравого смысла...

Мать Бена ни секунды не колебалась. Поскольку ей медведь на ухо наступил, она никогда не обращала внимания на то, как остро, по-особому, ее сын воспринимает звуки и слова, но кое-что все-таки сумела заметить, хотя, как обычно, отнесла это на счет его чрезмерной чувствительности. Однако мысль о том, что ее сын талантлив, вскоре взяла верх над ее природным скептицизмом. И потом, она понимала: ее голубоглазому мальчику необходим благодетель, богатый покровитель и наставник, поскольку Бен, не проучившись в школе и одной четверти, уже имел кучу неприятностей и явно нуждался в отцовском влиянии.

Доктор Пикок – бездетный, пребывающий на пенсии и, самое главное, богатый – показался матери Бена реальной возможностью воплотить в жизнь все ее честолобивые мечты. И она решила обратиться к нему за помощью, тем самым положив начало длинной веренице событий, которые, подобно фильтрам на фотообъективе, постепенно окрашивали следующие тридцать лет во все более глубокие оттенки синего.

Мать не ведала, чем это обернется. Да и вообще, никто из них не мог знать, что выйдет из этого знакомства. Кто мог предугадать, что это закончится смертью двух сыновей Глоории, а Голубоглазый окажется совершенно беспомощным, угодив в ловушку, подобно тем суетливым царапающимся морским существам, которых он когда-то позабыл в ведрке на берегу и оставил умирать под жарким солнцем?

КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТЕ

ClairDeLune: Очень даже неплохо, Голубоглазый. Мне нравятся твои художественные приемы. Я заметила, что ты предпочитаешь описывать события из личной жизни, а не от кого-то услышанные интересные случаи. Получается отлично! Надеюсь прочесть еще что-нибудь!

JennyTricks: (сообщение удалено).

blueeyedboy: Очень рад...

4

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Время: 01.15, воскресенье, 3 февраля

Статус: публичный

Настроение: безмятежное

Музыка: David Bowie, Heroes

Никогда прежде он не был знаком с миллионером. Он представлял миллионера в высоком шелковом цилиндре, вроде лорда Снуги¹⁵ из комиксов, может, еще с моноклем и тростью. А доктор Пикок выглядел скорее неопрятно – в поношенном твидовом пиджаке, в галстук-бабочке и в кожаных шлепанцах. Он посмотрел на Бена своими молочно-голубыми глазами из-под очков в металлической оправе и сказал: «Ага. Ты, должно быть, и есть Бенджамин», и в его голосе Бен отчетливо уловил запах табака и кофейного печенья.

Мать явно нервничала; для этого визита она разоделась и Бена тоже заставила облачиться в новую школьную форму – темно-синие брюки и небесно-голубой свитер, что очень напоминало цвета школы Сент-Освальдс, хотя у Бена в школе никакой формы не было вообще и дети по большей части ходили на занятия в самых обыкновенных джинсах. Найджела и Брендана мать тоже взяла с собой – она боялась оставлять их дома одних; им было велено сидеть смирно, рта не открывать и ни к чему не прикасаться.

Глория Уинтер пыталась произвести впечатление. Пока что в своем первом классе Бен никаких способностей не проявил и успехов не достиг; мало того, вскоре всему Белому городу стало известно: младшего сына Глории отправили домой за то, что он воткнул циркуль в руку своему однокласснику, который обозвал его вонючим педиком, и лишь агрессивное вмешательство матери спасло его от исключения из школы.

Достигла ли эта информация Деревни, еще предстояло выяснить. Но Глория Уинтер рисковать не желала, и чудесным октябрьским днем Бенджамин с самым что ни на есть ангельским видом стоял у крыльца старого особняка и слушал прихотливый перезвон дверного звонка, звуки которого представлялись ему смешением розовых, белых и серебристых тонов. А когда доктор Пикок отворил дверь, Бен скромно потупился и устался на носки своих кроссовок.

Тогда, во время происшествия с циркулем, Бену толком не было известно значение слова «педик», но он хорошо помнил, что пролилось немало крови. И хотя не он первый начал драку, уже одно то, что он не выказал ни малейших угрызений совести – а точнее, даже наслаждался своей местью, – очень расстроило его классную руководительницу. Эта дама, которую мы назовем миссис Католик-Блю, видимо, искренне верила в такие смешные вещи, как детская невинность, принесение Богом Отцом в жертву Своего единственного Сына и неусыпное внимание ангелов к нашей с вами жизни.

Печально, но ее имя пахло просто ужасно – смесью дешевого ладана и конского навоза, – что весьма часто отвлекало Бена во время уроков и в итоге привело к целой череде неприятных инцидентов, завершившихся его исключением из школы. Впрочем, мать винила в этом школьное руководство и твердила, что ее сын ни при чем, а преподаватели оказались не способны найти общий язык с таким одаренным ребенком и она непременно сообщит об этом в газету.

¹⁵ Snooty (англ.) – высокомерный.

Доктор Пикок ничего общего со школьными учителями не имел. Его имя пахло розовой жевательной резинкой, а это весьма привлекательный аромат для маленького мальчика. Кроме того, доктор Пикок разговаривал с Беном, как со взрослым, и столь легкими и понятными фразами, будто они сами собой скатывались у него с языка и лопались разноцветными пузырями, которые так здорово выдувать из жвачки, купленной в автомате.

– Ага. Ты, должно быть, и есть Бенджамин.

Бен кивнул. Ему понравился этот спокойно-уверенный тон. За спиной доктора Пикок виднелась дверь в холл; оттуда выбежала черно-белая собака и направилась напрямик к мальчику. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это старый терьер породы Джек Рассел, который тут же принялся с радостным лаем прыгать вокруг них, а доктор Пикок пояснил:

– Знакомьтесь, это мой высокообразованный коллега. – И, обращаясь к собаке, попросил: – Будь так любезен, проводи наших гостей в библиотеку.

При этих словах пес сразу перестал лаять и повел всех в глубь дома.

– Прошу, – пригласил доктор Пикок, – проходите, садитесь, сейчас мы выпьем чаю.

И они выпили чаю. «Эрл грей» без сахара и без молока, но с песочным печеньем. Это сочетание с тех пор навсегда закрепилось в памяти Бена, подобно тому чаю с цветком лимона, который служил герою Пруста импульсом к воспоминаниям.

Воспоминания – вот что у Голубоглазого было теперь вместо совести. Именно воспоминания вынудили его надолго задержаться в этом старом доме; именно они заставляли его возить старика в инвалидном кресле по заросшим дорожкам сада, стирать его белье, читать ему вслух, подставлять кусок поджаренного хлеба, когда он не слишком аккуратно ел яйцо всмятку. И хотя зачастую старик вообще не понимал, кто перед ним, Голубоглазый никогда не жаловался и никогда старика не подводил – ни разу не подвел! – помня о той самой первой чашке чая «Эрл грей» и о том, как доктор Пикок тогда смотрел на него: как если бы он и впрямь был особенным...

Просторная гостиная была застелена ковром цвета марены и различных оттенков коричневого. Там имелись диван, кресла и целых три стены книжных полок. Перед огромным камином стояла корзинка для собаки, на столе – коричневый чайник, почти такой же большой, как у Сумасшедшего Шляпника¹⁶, и коробка с печеньем. На свободной стене висело несколько странных застекленных ящичков с насекомыми. Но самое, пожалуй, забавное – это детские качели, подвешенные к потолочной балке, на которые все трое мальчишек взирали с молчаливым вожделением, не смея встать с указанного им места на диване рядом с матерью, а та, в свою очередь, все собиралась, но не осмеливалась первой заговорить с хозяином дома.

– А ч-ч-что эт-то такое? – спросил Голубоглазый, кивая на один из стеклянных ящичков.

– Бабочки, – ответил доктор с явным удовольствием. – Вернее, моли. Они более изящны, а рисунок у них на крылышках просто восхитительный. Вот, например, эта, с пушистой головкой, – он ткнул пальцем в стекло, – называется бражник тополевый, *Laothoe populi*. Рядом с ней, алая и коричневая, *Tyria jacobaeae*, киноварь. А этот маленький парнишка, – он указал на коричневое существо, довольно-таки растрепанное, больше похожее на сухой листок, – *Smerinthus ocellata*, бражник глазчатый. Видишь, какой рисунок на крыльях в виде голубых глаз?

Голубоглазый снова кивнул, восхищенный и потрясенный настолько, что не мог вымолвить ни звука, хотя потрясли его не сами моли, а та спокойная, авторитетная уве-

¹⁶ Герой сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

ренность, с которой доктор Пикок произносил слова. Затем доктор указал на другой ящичек, висевший над пианино, и там Голубоглазый разглядел одну-единственную бабочку, точнее моль, лимонно-зеленого цвета и невероятно большую, прикрепленную к подстилке из молочно-серого бархата.

– А эта юная леди, – любовно промолвил доктор Пикок, – истинная королева моей коллекции. Сатурния луна, *Actias Luna*; она попала сюда прямоком из Северной Америки. Я привез ее в виде куколки более тридцати лет назад – да-да, тридцати! – и, поместив в эту самую комнату, стараясь не пропустить ни одного мгновения, стал наблюдать, как она вылупляется. Это было поистине замечательное зрелище! Ты представить себе не можешь, как трогательно, когда подобное хрупкое создание выбирается из кокона, впервые раскрывает крылья и летит...

«Ну, далеко-то она не улетела, – подумал Голубоглазый. – Не дальше банки с эфиром...»

Однако благоразумно прикусил язык. Мать вела себя все более нервозно. Руки, стиснутые на коленях, все равно дрожали – их выдавало поблескивание дешевых колец.

– А у меня тоже есть коллекция, я собираю фарфоровых собачек, – вмешалась она. – Значит, мы с вами оба коллекционеры.

Доктор Пикок улыбнулся.

– Как это мило! В таком случае я непременно должен показать вам статуэтку эпохи Тан¹⁷.

Голубоглазый невольно усмехнулся, увидев, какое выражение появилось на мамином лице. Он понятия не имел, как выглядит статуэтка эпохи Тан, но догадывался, что она столь же отличается от ее коллекции фарфоровых собачек, как эта прекрасная сатурния луна – от той коричневой моли, что свернулась, точно сухой листок, спрятав свои чересчур яркие, но совершенно бесполезные глаза.

Мать метнула на него злобный тяжелый взгляд, и он понял: рано или поздно ему придется ответить за то, что своей усмешкой он поставил ее в дурацкое положение. Но пока что – и он твердо знал это – ему ничего не грозило. Он стал озиаться по сторонам, со все возрастающим любопытством изучая обстановку. Помимо ящичков с молями на стенах висели картины – не какие-то там постеры, а настоящие картины, написанные красками. Если не считать миссис Уайт с ее розово-пурпурными коллажами, он никогда не встречал людей, у которых дома были бы настоящие картины.

Глаза его в итоге остановились на изящном наброске корабля, сделанном выцветшей сепией. За судном виднелся длинный бледный берег, на берегу – хижины, кокосовые пальмы, а вдали – горы с конусообразными вершинами, окутанные облачной дымкой. Неизвестно, почему этот рисунок так привлек его внимание. Возможно, из-за неба, или из-за этой странной краски цвета чая, или из-за чудесного ощущения старины, которая даже сквозь стекло так и светилась, словно гроздь приторно-сладкого золотистого винограда в лучах солнца...

Заметив, что мальчик неотрывно смотрит на корабль, доктор Пикок спросил:

– А ты знаешь, где находится этот берег?

Голубоглазый молча помотал головой.

– Это Гавайи.

Га-ва-йи.

– Возможно, ты когда-нибудь туда отправишься, – добавил доктор Пикок и улыбнулся.

Вот так, с помощью одного-единственного слова, Голубоглазый и стал частью его коллекции.

КОММЕНТАРИЙ В ИНТЕРНЕТЕ

¹⁷ Китайская императорская династия, 618–907 гг.

Captainbunnykiller: Ну, парень, по-моему, тут ты дал маху. Прошло уже столько дней, ты целых два поста опубликовал, но так до сих пор никого и не убил#.

blueeyedboy: Не торопи меня. Я работаю над этим...

ClairDeLune: Очень мило, Голубоглазый. Ты демонстрируешь истинное мужество, описывая столь болезненные для тебя воспоминания. Возможно, стоит подробнее обсудить это на нашем следующем семинаре?

Chrysalisbaby: ага мне тоже ужасно понравилось (обнимаю)

5

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Размещено в сообществе: badguysrock@webjournal.com

Время: 03.06, воскресенье, 3 февраля

Статус: публичный

Настроение: поэтическое

Музыка: The Zombies, A Rose for Emily

Затем доктор Пикок повел всех мальчиков в розарий; их мать спокойно пила чай в библиотеке, а собака весело носилась по лужайке. Доктор показывал им розы, читая вслух названия на табличках, прикрепленных к стеблям. *Adelaide d'Orleans*, *William Shakespeare* – волшебные слова, от которых пощипывало в носу и хотелось поглубже вдохнуть.

Доктор Пикок обожал свои розы, особенно самые старые кусты, буквально усыпанные цветами розовато-телесного или серовато-белого, даже чуть голубоватого оттенка – эти розы, по его словам, обладали самым чудесным ароматом. В саду доктора Пикок мальчики научились отличать мускусную розу от «Альбы», дамасскую розу от галльской. Бенджамин вбирал в себя эти чудесные названия, как некогда названия красок на тюбиках; от этих названий у него просто голова шла кругом, настолько точно они соответствовали цвету и запаху того или иного конкретного цветка – *Rose de Recht*, темно-красная роза с запахом горького шоколада, *Boule de Neige*, или *Tour de Malakoff*, или *Belle de Crecy*, или *Albertine*, самая его любимая, с мускусным, бледно-розовым, старомодным запахом, будившим мысли о девушках в легких летних платьицах, крокете и розовом лимонаде со льдом на зеленой лужайке. Хотя для Бена «Альбертина» пахла рахат-лукумом.

– Рахат-лукумом? – переспросил доктор Пикок, и в глазах его вспыхнул живой интерес. – А эта чем пахнет? Она называется *Rosa Mundi*, или роза мира.

– Хлебом.

– А эта? *Cecile Brunner*?

– Не очень приятный запах: машин и бензина.

– Правда? – удивился доктор.

Однако выглядел он отнюдь не рассерженным, как можно было бы ожидать, а искренне восхищенным.

На самом деле, все в Бенджамине вызывало у доктора Пикок восхищение. Оказалось, что большая часть его книг посвящена одному загадочному явлению, синестезии. Для Бена это слово звучало как название процедуры, которую делают в больнице, но доктор сказал, что оно означает одно из неврологических состояний, стало быть, мать оказалась права: Бен с самого рождения был особенным.

Сначала мальчики ничего не поняли, но доктор Пикок объяснил им, что это явление связано с деятельностью сенсорных отделов мозга, в которых что-то такое особым образом переплелось – наверное, какие-то проволочки перепутались? – и теперь эти сложные сплетения нервных узлов посылают человеку некие дополнительно окрашенные сигналы.

– Как у экстрасенсов, да? – перебил Голубоглазый.

В его голове бродили смутные мысли о Человеке-пауке, персонаже комиксов Магнето и даже о Ганнибале Лектере¹⁸ (вам наверняка уже ясно, что он начал движение от ванильно-мороженного края спектра к территории плохих парней).

¹⁸ Главный герой романов Томаса Харриса «Молчание ягнят», «Ганнибал» и др.

– Именно так, – подтвердил доктор Пикок. – И когда мы выясним, как это работает, тогда, возможно, будем в состоянии помочь людям, которые, например, пережили инсульт или получили травму головы. Мозг – инструмент сложный. Несмотря на достижения современной медицины и прочих наук, мы по-прежнему очень мало о нем знаем, а хотелось бы выяснить, как мозг накапливает информацию и делает ее доступной, как он транслирует ее.

Синестезия, объяснял им доктор Пикок, может проявляться разнообразно. Слова, например, могут обретать окраску, звуки – физическую форму, числа – источать свет. У некоторых людей это свойство врожденное, у других – приобретенное, причем порой в результате взаимодействия с другими людьми. Большинство синестетов – визуалы, то есть обладают особым зрительным восприятием. Но есть и другие разновидности синестезии, когда слова, например, могут восприниматься как сочетание вкусов или запахов, а у некоторых людей определенные цвета вызывают приступы мигрени. Синестет может видеть музыку, ощущать вкус звука, воспринимать числа как ткань или форму. Существует даже так называемая зеркальная синестезия, когда человек благодаря особому проникновению в чувства других людей способен испытывать чужие физические ощущения...

– То есть если я увижу, как кого-то ударили, то и сам это почувствую? – уточнил Бен.

– Потрясающе, не правда ли?

– Но... как же тогда эти люди могут смотреть, например, фильмы про гангстеров, где убивают и дерутся почему зря?

– Не думаю, что они вообще захотят смотреть такие фильмы, Бенджамин. Им они были бы слишком неприятны. И вообще, это всего лишь мое предположение. Подобный тип синестезии сделал бы человека чересчур чувствительным.

– А мама говорит, что я чересчур чувствительный.

– Уверен, так и есть, Бенджамин.

К этому времени Бен и впрямь стал гораздо более восприимчивым, причем реагировал не только на слова и имена, но и на тембр голоса, акцент, интонацию. Ему и прежде было известно о существовании разных акцентов. Как и тембров голоса. Ему, например, всегда больше нравился голос миссис Уайт, чем голос матери или миссис Католик-Блю. У последней был резкий гнусавый акцент уроженки Белфаста, от которого у Бена сразу начинало щипать в носу.

Его братья, как и их ровесники, употребляли «спс» вместо «спасибо» и «пока» вместо «до свидания». А уж бранились они друг с другом такими мерзкими словами, от которых воняло, как в обезьяннике. Мать пыталась избавиться от своего северного акцента, но не слишком удачно: он у нее то появлялся, то пропадал – в зависимости от компании. Особенно плохо у нее получалось в присутствии доктора Пикокка – звук «х» выскакивал чуть ли не в каждом слове и торчал оттуда, точно спица из клубка шерсти.

Голубоглазый чувствовал, сколько усилий прилагает мать, пытаясь произвести хорошее впечатление, и каждый раз его прямо-таки тошнило от разочарования. Ему ужасно не хотелось уподобляться матери, и он старательно копировал речь доктора Пикокка. И потом, ему очень нравился лексикон доктора. Эти его «с вашего позволения», или «будьте добры», или «обратите внимание на следующее», или (по телефону) «с кем имею честь говорить?». Доктор Пикок знал латынь, французский, греческий, итальянский, немецкий и даже немного японский; но и английский звучал из его уст как иностранный и куда более красивый. В его речи отчетливо различались такие слова, как *watt* и *what*; *witch* (серо-зеленое, кислое на вкус слово) и *which* (слово сладкое и серебристое)¹⁹. Он напоминал актера, читающего со сцены

¹⁹ Слова, звучащие практически одинаково: *watt* и *what* (англ.) – «ватт» и «что»; *witch* и *which* (англ.) – «ведьма» и «который».

Шекспира. Даже со своей собакой доктор изъяснялся подобным образом, например: «Будь добр, воздержись от полного истребления ковра» или: «Не желает ли мой ученый коллега пробежаться по саду?» Голубоглазого удивляло, что пес, судя по всему, отлично понимал хозяина и старался соответствовать. Не значит ли это, что и он, Голубоглазый, тоже сможет выучиться всему и избавиться от своих грубоватых привычек?

Бену казалось, что на доктора Пиккока его таланты произвели неизгладимое впечатление. Во всяком случае, доктор пообещал лично с ним заниматься, если он будет прилично себя вести, и подготовить к вступительному экзамену в школу Сент-Освальдс на казенный кошт. Взамен доктор попросил всего лишь помочь в проведении кое-каких опытов, чтобы иметь возможность включить результаты этих опытов в свою новую книгу, над которой он как раз работал. Эта книга должна была стать итогом всей его научной жизни; она была основана на тестировании великого множества людей, хотя среди них, по словам доктора, не было ни одного столь юного или столь многообещающего, как маленький Бенджамин Уинтер.

Мать невероятно обрадовалась. Школа Сент-Освальдс была пределом ее честолюбивых мечтаний. До пресловутого вступительного экзамена оставалось еще целых три года, но она рассуждала о нем так, словно он состоится завтра; она обещала откладывать каждый заработанный грош, суежилась вокруг Бена еще больше, чем прежде, и очень ясно дала понять остальным детям, что только Бену предоставлен такой шанс и он ни в коем случае не должен этот шанс упустить, хотя бы ради нее.

Сам Бен испытывал куда меньше восторгов. И Сент-Освальдс ему по-прежнему не нравился, несмотря на свою красивую форму – темно-синий блейзер и галстук (прямо к его глазам, как уверяла мать). Он уже достаточно видел и понимал: эта школа не для него, у него неподходящее лицо, неподходящие волосы, неподходящий дом, неподходящее имя...

У мальчиков из Сент-Освальдс не могло быть имени Бен. Тамошних мальчиков звали Леон, или Джаспер, или Руфус, или Себастьян. Мальчику из Сент-Освальдс подошло бы также имя Орландо, пахнущее перечной мятой. Даже имя Руперт звучало более-менее пристойно, особенно если к нему прилагался темно-синий блейзер. А имя Бен, и сам Бен отлично это осознавал, имело совсем не тот оттенок синего; это имя пахло домом его матери, где вечно разило дезинфекцией и жареной пищей, где было слишком мало места и мало книг, где царила резкая, неистребимая вонь его братьев.

Но доктор Пикок убедил его не волноваться. Три года – долгий срок. Они вполне успеют как следует подготовиться, и Бен станет достойным учебы в Сент-Освальдс, поскольку, по заверениям доктора, у него имеется большой потенциал – красное слово, напоминающее растянутую широкую резинку для рогатки, из которой вот-вот вылетит камень кому-то прямо в физиономию...

И Бен смирился со своей участью. Да и какой у него был выбор? Ведь, в конце концов, именно в нем воплотились самые большие надежды его матери. И потом, ему так хотелось угодить им обоим – но больше, пожалуй, доктору Пиккоку. И если для этого нужно было поступить в школу Сент-Освальдс, он готов был принять вызов.

Найджел учился в Саннибэнк-Парк, общеобразовательной школе на окраине Белого города. Школа была большая – несколько бетонных корпусов с колючей проволокой по краю крыши, делавшей здания похожими на тюрьму. А уж вонь там стояла, как в зоопарке. Но его старший братец, судя по всему, ничего против этой школы не имел. Брендану, которому исполнилось девять, тоже предстояло и дальше учиться в Саннибэнк-Парк, поскольку он до сих пор никаких особых способностей не проявил. Доктор Пикок, правда, протестировал всех братьев Уинтер, но заинтересовал его только Бен. Найджела он сразу сбросил со счетов, а Брендана – недели через три или четыре, сочтя его крайне необщительным.

Найджелу было двенадцать: агрессивный, мрачный подросток, подверженный резким переменам настроения. Ему нравились тяжелый рок и фильмы, где все взрывалось. Никто в школе не осмеливался его терроризировать. Брендан был его тенью: бесхребетный, податливый, выживающий только под защитой Найджела, подобно тем симбиотическим созданиям, что существуют под покровительством акул и крокодилов, принося им какую-то пользу. Если Найджел был далеко не глуп (хотя никогда не давал себе труда сделать как следует хоть одно домашнее задание), то Брен во всем был абсолютно безнадежен – как в спорте или играх, так и на уроках в школе, где его считали полным тупицей из-за невероятной лени и замкнутости; в общем, первый кандидат на пособие по безработице, как говорила мать, в лучшем случае сгодится для того, чтобы вкладывать в гамбургеры котлеты.

Зато Бена ожидало блестящее будущее. Каждую субботу с утра, пока Найджел и Брендан катались на велосипедах или играли на улице с приятелями, он отправлялся к доктору Пикоку – его дом он называл исключительно Особняком – и усаживался за большой письменный стол, обитый кожей бутылочно-зеленого цвета. Там он читал вслух отрывки из толстых книг в твердых переплетах, учил географию по старинному разрисованному глобусу, где названия были выведены крохотными витиеватыми буквами: Iroquois, Rangoon, Azerbaijan – это были таинственные, старинные, давно вышедшие из употребления магические названия, точно такие же, как названия красок у миссис Уайт; эти названия смутно пахли джином и морем, молотым перцем и острыми специями, и у них был свежий вкус той загадочной свободы, которую ему еще только предстояло попробовать. А если глобус хорошенько раскручивался, то океаны и континенты как бы гонялись друг за другом, и в итоге все цвета сливались в один – в идеальный оттенок голубого; это был цвет океана, цвет неба, цвет самого Бенджамина...

А позже, днем, они с доктором занимались совсем другими вещами например, рассматривали картины и слушали различные звуки – это была часть той исследовательской работы, которая пока была совершенно недоступна пониманию Бена. Однако он охотно подчинялся всем требованиям доктора.

Ему показывали книги, где буквы и числа были выстроены в особом порядке, и он должен был разгадать последовательность. Затем он слушал перечень разных звуков из фонотеки доктора, тот задавал ему вопросы типа: «Какого цвета день недели среда?», «Какое число зеленого цвета?» и показывал разные штуковины необычной формы с загадочными выдуманными названиями. Бен всегда отвечал правильно, а это означало, что доктор Пикок останется им доволен, а мать будет им гордиться.

Надо отметить, ему очень нравилось ходить в Особняк с его библиотекой, студией и целым складом забытых вещей: виниловыми пластинками, старыми фотоаппаратами и пачками пожелтевших фотографий, на которых были запечатлены чьи-то свадьбы, счастливые супружеские пары, какие-то давным-давно умершие дети в матросских костюмчиках с настороженными – сейчас-вылетит-птичка – улыбками. Он по-прежнему с опаской относился к школе Сент-Освальдс, но с большим удовольствием занимался с доктором Пикок; он обожал, когда доктор называл его Бенджамином и рассказывал о своих путешествиях, о своих любимых музыкальных произведениях, о своих научных исследованиях и о своих розах.

Но самое главное – Бен чувствовал себя нужным. Особенным. Предметом научных исследований. Чрезвычайно интересным случаем. Доктор Пикок внимательно слушал его, отмечая и фиксируя его реакцию на различные виды стимуляции, затем просил в точности описать, что именно он при этом чувствовал. Часто доктор записывал его высказывания и свои наблюдения на маленький диктофон, при этом называя Бена «мальчиком Икс», чтобы соблюсти полную анонимность.

Мальчик Икс. Ему это нравилось. Заставляло ощущать себя значительным, таким волшебным мальчиком, обладающим особым могуществом, особым даром. Хотя в действительности он не был так уж одарен. В школе он считался посредственным учеником и никогда не попадал в число лучших. О своих сенсорных талантах, как называл их доктор Пикок, проявлявшихся в том, что все звуки для него имели особый цвет и запах, он вообще не думал, подозревая и в остальных людях аналогичное восприятие, хотя доктор Пикок и уверял его в обратном. В общем, Бен продолжал считать себя обыкновенным, нормальным человеком, правда, всех прочих стал относить к уродам.

«Слово “безмятежность” серого цвета, – пишет доктор Пикок в своей статье “Мальчик Икс как пример рано проявившейся синестезии”, – а вот слово “безмятежный” в его восприятии темно-синего оттенка и имеет легкий привкус аниса. Числа вообще цвета не имеют, а названия мест и имена людей часто окрашены, порой в ошеломляюще яркие цвета, кроме того, обладают различным вкусом. В определенных случаях существует отчетливая корреляция между столь необычными сенсорными ощущениями и событиями, случившимися в реальной жизни мальчика Икс, что дает возможность предположить: данный тип синестезии является отчасти ассоциативным, а не чисто врожденным. Однако и при таком раскладе наблюдаются весьма интересные физические реакции на различные стимуляторы, например, слюнотечение как прямая реакция на слово “алый”, которое для мальчика Икс пахнет шоколадом, или головокружение, незамедлительно возникающее при слове “розовый”, имеющем в восприятии мальчика Икс сильный запах газа».

До чего же солидно это звучало! Казалось, они вместе совершают научное открытие. И доктор Пикок говорил, что, когда его книга будет опубликована, они оба – и он, и мальчик Икс – будут знамениты. А возможно, завоюют и какой-нибудь научный приз. В итоге Бен настолько увлекся своими занятиями с доктором Пикок, что почти и не вспоминал о материнских хозяйках, которые некогда так его обхаживали. У него к тому времени появилась целая куча всяких неотложных дел и забот, а научные опыты доктора Пикок оказались куда интереснее рисунков, коллажей и фарфоровых кукол.

Вот почему, когда шесть месяцев спустя Бен вдруг встретил на рынке миссис Уайт, его поразило, какой же она стала толстой; наверное, решил он, в его отсутствие сама съедала все содержимое больших красных жестянок с надписью «Фэмили секл». Он все удивлялся: что же с ней случилось? Миссис Уайт была такой хорошенькой, а теперь у нее вдруг вырос здоровенный живот, на лице появилась глупая улыбка, которая не сходила с ее уст, пока она бродила среди торговцев фруктами и овощами.

Но мать все им разъяснила. Это была хорошая новость. После десяти лет неудачных попыток миссис Уайт наконец-то забеременела. По неясной причине это приводило мать Бена в восторг, возможно потому, что теперь она ходила к миссис Уайт чаще и зарабатывала больше. Однако Голубоглазый испытывал какую-то смутную неловкость. И все вспоминал коллекцию кукол миссис Уайт, странных, не похожих на детей, одетых в старинные кружева, и все раздумывал: избавится ли она от своих кукол, когда у нее появится настоящее дитя?

Мысль об этом не давала ему покоя, вызывала ночные кошмары; ему снилось, как эти пучеглазые плаксивые куколочки в роскошных шелковых платьях и старинных кружевах выброшены на мусорную свалку, одежда их превратилась в лохмотья и выпцвела от дождей, фарфоровые головки разбиты и осколки валяются среди бутылок и смятых жестянок.

– Мальчик или девочка? – спросила мать у миссис Уайт.

– Девочка. Я назову ее Эмили.

Эмили. Э-ми-ли, три слога, точно стук в дверь судьбы. Такое странное, старомодное имя, не идущее ни в какое сравнение со всякими там Кайли, Трейси или Джейд, от которых несет случайностью и топленным салом; эти имена стоят как бы в стороне и ярко горят без-

вкусными неоновыми оттенками, тогда как имя Эмили, молчаливое и чуть розоватое, напоминает жевательную резинку или розы...

Но откуда Голубоглазому было знать, что однажды именно она приведет его сюда? И разве мог кто-нибудь догадаться, как близки они будут, даже не подозревая об этом, – жертва и хищник с тесно переплетенными судьбами, словно побег розы, проросший сквозь человеческий череп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.